

«Авантюра с незавидной перспективой»

Жребий, брошенный не нами,

Нас влечет в свой строгий круг...

/ Юргис Балтрушайтис /

- Лопух, чего грустишь?! – прокричал мне на ухо мушкетер с усами-щеткой – человек в маскарадном костюме, бывший изрядно навеселе.

Я и без того чувствовал себя отвратительно на новогоднем корпоративном празднике, а тут тебя еще лопухом обзывают. Я присмотрелся, желая понять, кто из моих коллег стал мушкетером, но так и не понял. Работал я в этой компании недавно, сотрудников в ней числился «вагон и маленькая тележка», со всеми перезнакомиться не успел. Всегда веду себя сдержанно, а тут захотелось въехать мушкетеру в ухо. Останавливало одно – приставала будто бы вознамерился меня подключить к общему веселью, обещавшему в скором будущем стать безумным. Я ждал момента, чтобы испариться.

- Лопух, давай выпьем! – подергивая усами, призвал меня мушкетер.

- Сам ты лопух, - негромко, но внятно и доходчиво, заявил я, приближаясь ближе, чтобы меня поняли в общем гуле голосов и музыки.

- Я мушкетер! – доложил коллега и стукнул себя по груди кулаком. На его накидке был начертан мальтийский крест, как у героев Дюма. – Один за всех и все за одного! – бешено возликовал он и принялся со мной брататься.

Я не мог простить «лопуха» и попытался вырваться.

- Не обижайся, - сообразил полупьяный мушкетер. – Но и ты, правда, лопух. Посмотри, какие у тебя здоровенные уши. Он ухватился за мои уши и принялся их растягивать в стороны, словно собирался оторвать. Естественно, в его пальцах оказались не мои настоящие аккуратные уши, а уши мыши, в костюме которой я был облачен. – Мышляндия ты моя! – ласково проворковал мужик и опять собрался брататься.

- Отвяжись, - миролюбиво посоветовал я, отстранил его и отошел к фуршетному столу. Накрытый стол и без того привлекал мушкетера, а тут еще я поспособствовал, проявив магнитные свойства. Он следовал за мной по пятам. – Слышь, Партоc, отвали! – грозно предупредил я.

- Я не Партоc, я Атос! – весело признался он, ухватил бокал с шампанским и начал жадно пить. Я переместился от него подальше, ближе к двери. Прижался спиной к колонне, слился с ней, и устремил взгляд на наряженную шарами искусственную ель, вокруг которой происходили безумные танцы, больше похожие на кривляние.

Откуда ни возьмись, появился Атос. Как он меня разглядел в плохом фокусе своего «объектива» и среди гудяще-танцующей толпы, осталось загадкой. В обеих руках он держал по бокалу шампанского.

- А-а-а, вот ты где! – радостно завопил он. Именно так возбужденно-весело кричат в прятках, когда водящему удается отыскать самого умелого прятальщика.

Я сделал неосторожное движение и выбил из его рук бокалы. Они рухнули на пол, разбились, Атос непроизвольно отступил. Но быстро опомнился, обошел осколки, и приткнулся к моему плечу.

- Лопух, ты за это ответишь! Пойдем, выйдем!

- Пошли! – впервые за весь вечер порадовался я, обнял Атоса на плечи, как лучшего друга, и начал подталкивать к выходу.

Атос не ожидал быстрой завязки наших непростых отношений, обещавших закончиться ожидаемой в таких случаях развязкой, и стал упираться. Мы были с ним в одинаковых весовых категориях – высокие, плотные, широкоплечие, потому я и назвал его Партосом, но мои уши, которые привлекли его внимание, и мешковатый костюм придавали мне значимости. Его мушкетерство, удаль и бесшабашность, внезапно пошли на убыль.

- Лопух, не обижайся, я сам виноват, сам выронил бокалы. Подумаешь, разбились...

- Ты меня достал, Атос, - процедил я сквозь зубы, оказавшись на морозном воздухе. Для остротки схватил его за шиворот и встряхнул. Естественно, не

собирался устраивать потасовку - нашел повод тихо удалиться. В гардероб свою верхнюю одежду я не сдавал, приехал на праздник в маскарадном костюме, только перед входом напялил мышиную голову с ушами и маску на глаза, чтобы никто не догадался, кто стал серой мышкой, побывавшей под радиацией – отсюда и небывалые размеры. Таково условие организаторов. Усугубила мое плохое настроение немереная жара в помещении. Температура зашкаливала, а я был облачен в серый комбинезон из теплой фланели. Еще хорошо, что додумался обуться в легкие серебристые кроссовки, позаимствованные у своего младшего брата-модника. Благо, у нас был один размер. Рукавички, выданные мне вместе с костюмом распорядителем нашего праздника Марией Дерябкиной, я намеренно оставил дома, чтобы в суете их не потерять.

На мое возмущение несуразным новогодним костюмом Мария ответила коротко: «Надо было раньше приходить, теперь бери то, что осталось». Так я стал счастливым обладателем маскарадного костюма мыши. Я дал честное пионерское, что верну костюм в целостности и сохранности, поблагодарил за особое ко мне внимание, сграбастал в охапку костюмчик, и двинулся к выходу, не позабыв повернуться и одарить девушку приятной улыбкой людоеда.

Мария мне низко мстила за мое равнодушие. С первого дня моего появления в торговой компании «Владыка» она начала строить мне глазки. Я прикидывался недогадливым олухом и невоспитанным придурком, что не сразу охладило ее пыл. Пришлось ей «признаться», что дома меня ждет гражданская жена, беременная третьим ребенком. Мария проигнорировала жену, имеющих двоих деток и третьего в ближайшей перспективе, вырвала из контекста прилагательное «гражданская». Раз живем без росписи, то меня можно легко утянуть из семьи. Она прижалась ко мне своей «шикарной» грудью первого размера и прошептала:

- Мужчины с таким глазами не могут быть преданными одной женщине.

Я не замедлил поинтересоваться, чем ее не устраивают мои глаза. На что получил ответ, дескать, очень устраивают, ей нравятся мужчины с глазами мартовского кота. Я слегка опешил, сравнение с озабоченным котом, орущим в раннюю весеннюю пору по ночам, мне не импонировало.

- Мария, неужели тебе нравятся легкомысленные непостоянные мужчины?
- Представь себе, - обронила она, кося в мою сторону хитрым зеленым глазом.
- Твои представления обо мне ошибочны, - лучась приветливой улыбкой, заявил я. Тайный интерес моих новых коллег, «погруженных» с головой в работу, я заметил слишком поздно, иначе передумал покупать кофе в автомате и оставил Марию возле автомата в одиночестве. По всей видимости, я стал не первым объектом ее пристального внимания, потому и ухмылки были ехидные. Теперь коллеги ожидали, как мне удастся выкрутиться. Жаль, не заметил ранее зрителей, следивших несколько дней за развитием мелодрамы, а то бы сразу пресек поползновения охотницы за новичками.
- Меня не обманешь, - играя на публику, промолвила Дерябкина и прильнула к моему плечу. Я стоял истуканом и с высоты своего роста смотрел на ее волосы, тщательно забранные в конский хвост.
- Я ужасный подкаблучник, - вздохнул я с печалью в голосе, опомнился и высказал еще одно признание, - но меня такое положение нисколько не тяготит, я обожаю свою жену и детей. Не скрою, поначалу я вел себя не совсем корректно по отношению к жене. Она не стала терпеть, не устроила мне скандал, а вычислила мою пессию, подкараулила ее на улице и... объяснила, что негоже водить лямуры с женатым мужчиной.
- И та поняла? – спросила Мария, отклеившись от моего крепкого плеча.
- Как не понять, если пришлось месяц проваляться на больничной койке.
- И твоей жене... ничего... за это не было? – проблеяла девица, отступив на несколько шагов, словно от меня внезапно стало дурно пахнуть.
- А что ей будет, - удивился я, - она сама служит в полиции.

Чтобы укрепить свои позиции преданного одной женщине мужчины, обладателя воинственной супруги, которая сразу идет на крайние меры, я позвонил знакомому, обрисовал ситуацию. Супруга моего приятеля, Эмилия, была тренером по самбо. Она отличалась внушительными габаритами, и

могла сыграть роль разгневанной жены, готовой на всё. Чтобы картина получилась более трогательной, Эмилия прихватила детей своей сестры.

Не терявшая надежды Мария, поджидала меня в холле. Предложила выпить по чашке кофе в ближайшем уютном заведении, добавив, что в этом нет ничего предосудительного. Я не успел ничего сказать, крутящиеся двери выпихнули нас на улицу. Я сделал удивленное лицо, указал своей спутнице на статную женщину в широком пальто, скрывшем живот, и троих детей. Я говорил приятелю, что у меня двое детей, третий в режиме ожидания, но он или напутал, или Эмилия прихватила троих, для пущей убедительности. И без того мизерная Дерябкина внезапно уменьшилась в размерах, что-то пролепетала и вмиг исчезла. Назавтра сцена бурно обсуждалась всеми коллегами. Дерябкиной досталось по полной программе, особо дерзкие в сочинительстве рисовали картину расправы над неудавшейся любовницей, особо креативные признали, что синяки на лице весьма подходят под светлые волосы. Не знаю, что говорили обо мне, но с тех пор женщины-коллеги начали меня сторониться. Сей факт меня совершенно не расстроил. И не потому, что все они были не в моем избирательном вкусе, период жизни был «аутистический»...

Мария мне мелко отомстила за явление жены народу, и вручила костюм мыши. Оставалось только удивляться, где она его раскопала, все-таки я давно вышел из детсадовского возраста. Однако чего не сделаешь ради мужчины, выставившим тебя на всеобщее посмешище.

Проигнорировать праздник я не мог: наш хозяин, учредитель торговой компании «Владыка», не приветствовал, когда кто-то отрывался от коллектива. Сам недолго задержался, тост сказал, приоткрыл завесу ближайшего будущего, пообщался «на ногах» с народом, назначил смотрящих и отчалил. Только этого я и ждал. Но не ушел, решил выждать некоторое время, чтобы коллеги не подумали, будто я ими гнушаюсь, что пришел из боязни попасть в санкционный список.

Зря подумал, что в костюме меня никто не узнает, что могу уйти без последствий. Мышь «из радиационной зоны» всем мозолила глаза. Или мне это только казалось. Пришлось умирать от скуки и от духоты еще какое-то

время. Можно выразить Атосу устную благодарность за появление причины для ухода.

Оказавшись, на заснеженной улице, я едва не сел на пятую точку - днем солнце пригрело тротуары, вечером подморозило. Непроизвольно ухватился за мушкетера, а тот, будучи в неустойчивом состоянии, совершил жесткую посадку на обледенелый тротуар. Мне повезло больше, я брякнулся на мягкий сугроб, сделанный руками трудолюбивых работников метлы и лопаты.

- Оп-ля! – задорно возвестил о своем приземлении Атос, закатился хохотом, но быстро замер с открытым ртом. Он поднял руку и указал на нечто, находящее в непосредственной близости от меня.

Я замешкался в своем неуклюжем костюме, всё никак не мог стянуть голову ушастой мыши. Пока я с ней боролся, мой коллега в мушкетерском наряде указывал направление и причитал на разные лады:

– Блин горелый, вот блин горелый, что ж такое-то...

Наконец, я сбросил свой «головной убор», из-за которого меня почему-то обозвали лопухом, и приступил к обозрению ближайшего ко мне заснеженного пространства.

- Что это под снегом, рядом с тобой? – спросил у меня мушкетер излишне нервно.

- Варешка, - разочарованно протянул я, взялся на указанный предмет, хотел предъявить предмет своему компаньону по валянию на земле, но не успел, за меня это ловко сделал он. Пока расхрабренный мушкетер рассматривал варешку в узорах, я пялился на изящную женскую ручку, торчащую из сугроба. Ранее ее скрывала варешка, завладевшая внимание ее первооткрывателя. Варешка когда-то согревала руку, сейчас этой руке было без разницы, какая «за бортом» температура воздуха. Без сомнения в сугробе лежала мертвая женщина.

Атос выразил нетерпение, встал на колени и начал раскапывать сугроб двумя руками, как это делают четвероногие, желая справить нужду.

- Успокойся, - обратился я к нему. – Не надо здесь ничего трогать.

- Да-да, не надо, - согласился мужик, усаживаясь на подогнутые ноги. Пригладил свои ужасные усы и выдал, - а что надо, так это вызвать «скорую».

- Очумел ты, Атос! «Скорая» ей уже не нужна. – Оценил высоту снежного покрова, одеялом укрывшего женщину, и со вздохом произнес, - давно здесь лежит.

- С лета? – подобрался он и встал в собачью позу. Мне показалось, что потянул носом, чтобы что-то унюхать. Но к женской руке не притронулся.

На глупые вопросы я никогда не отвечаю, тем более в таких сложных ситуациях. На руку я старался не смотреть, сосредоточился на живом человеке, потерявшем некоторые человеческие признаки из-за выпитых напитков и потрясения от увиденного.

- Как думаешь, чудеса бывают? – спросил Атос, преданно заглядывая мне в глаза. Я догадывался, куда он клонит. Еще чуть-чуть и перейдет к перечислению моих качеств, одним из которых является бесстрашие. Я извернулся, устроился с ним рядом, чтобы визуально оценить руку без варежки, не стал затягивать процесс и слегка коснулся гладкой ледяной руки, припорошенной снегом. Я схитрил: не было никакого желания касаться кисти руки мертвеца, поэтому я дотронулся до миленького колечка на большом пальце. Именно, на большом пальце многие модницы носят кольца.

- Пульс пощупай! – приказным тоном сказал Атос.

- А смысл?

- Что тебе, сложно?

- Не сложно, бессмысленно.

- Если ее откопать и занести в тепло, она... отойдет? - звенящим голосом поинтересовался мушкетер, больно упираясь своим кулаком в мою ногу, запрятанную в серую фланель.

- Без комментариев, - хмыкнул я и предложил вызвать «скорую» для него. Спихнул его кулак, поднялся на ноги и стряхнул с себя прилипший снег.

- Ну, и чего ты стоишь?! Звони в полицию! – приказал он тоном, не терпящим возражений...

В ожидании полиции, мы сильно продрогли. Атос предложил зайти в ресторан и погреться проверенным способом, но я отказался: едва он переступит порог, сразу начнет рассказывать о нашей находке. Народ загорится желанием увидеть всё собственными глазами, праздник будет испорчен.

- Мы подхватим воспаление легких, - стал запугивать меня мушкетер, подпрыгивая на одном месте и обхлопывая себя руками. Глядя на него, и я приступил к прыжкам на месте.

На крыльцо загородного ресторана, в котором проводился новогодний корпоратив нашей компании, выкатились веселые мужички-курильщики. Сначала они что-то шумно обсуждали, потом заметили две скачущие фигуры, мушкетера и ушастую мышку ростом с мушкетера.

- А скажи-ка мне, страшный зверь, почему у тебя такие большие уши? - с завыванием спросил мужик в боярском наряде, но почему-то в шляпе «от снегурочки». К шляпе была пришпандорена длинная толстая коса, покоившаяся на богатырской груди. Видимо, в братском порыве произошел обмен «скальпами».

Конечно, обращение было адресовано мне, ушастому мышку, но я внезапно оглох, но приобрел завидный дикторский голос, громко обратившись к своему приятелю:

- А теперь переходим к водным процедурам! – Зачерпнул горсть снега и начал натирать снегом лицо любопытного боярина с «головой» снегурочки, успевшего приблизиться к нам. Завязалась умильная потасовка, в которой не принимал участие мушкетер, некогда расположенный к бесшабашному веселью. Его настроение резко рухнуло вниз после обнаружения трупа под снегом.

- Вы что, сбрендили?! - заголосил он. Мы замерли, как в детской игре «море волнуется раз...» - не сменили позы. Громкий голос, пронизанный страхом и

печалью, всех напугал. - Как дети, честное слово! И вам не совестно так себя вести при сложившихся обстоятельствах?! - В норму он не пришел, поэтому слово «сложившихся» он произнес с трудом. С осуждением покачал головой и обратился лично ко мне. – Ладно, они не в курсе, но ты-то знаешь, что ЗДЕСЬ случилось. – Вывернутые ладони Атоса указывали на место у его ног.

- Откуда, - брякнул я, непроизвольно зацепив взглядом указанное пустое место, поперхнулся морозным воздухом и закашлялся. – Думай, что говоришь, - прохрипел я, между приступами кашля.

- Может быть, я не так выразился, - без тени извинений высказался Атос, пошатнулся и устоял на ногах благодаря еще одному интересному субъекту, сошедшему с крыльца. Это была широкоплечая Красная Шапочка.

- А что случилось-то? – поинтересовалась Шапка, напомнившая мне английского летчика из французской комедии «Большая прогулка», который «сменил имидж», вырядившись пастушкой.

- Мы с Мышей нашли убитую женщину, - трагическим голосом изрек Атос и излишне театрально указал на кисть руки, торчащую из сугроба.

Дружная компания сгруппировалась возле сугроба, из которого торчала малая часть некогда живого тела.

- Как-то она... рука эта... выглядит... не так, как положено, - насуплено произнес еще один соглядатай – Кот небольшого росточка, сдвигая маску на лоб. Он позабыл строгий наказ Марии Дерябкиной - сохранять своё инкогнито до конца праздничного мероприятия. У кого не было масок, были с такими размалеванными лицами, что их мать родная не узнала. Но им повезло больше, каким образом люди в масках будут пить и закусывать, Маша не подумала. Она знала, что наши люди способны на любые ухищрения, было бы желание. А желание была чудовищным.

- Что ты болтаешь! - воскликнул Атос, нервно двигая бровями. Только сейчас я сообразил, что у него не только приклеенные усы, но и брови. Поначалу я думал, что он обладатель кустистых бровей. При более ярком, пусть и уличном освещении, рассмотрел его с пристрастием и сделал вывод: во-первых, такие брови не могут быть настоящими, во-вторых, Атос больше

походит на Карабаса-Барабаса, слямзившего мушкетерский костюм, ему не хватало только длинной бороды. Между тем Атос сосредоточился на Коте, который посмел идти в разрез с нашей установкой. Подкатил к нему, подбоченился и, сузив глаза, едко спросил, – и как, по-твоему, должна выглядеть рука мертвой женщины? - Обычно такие заковыристые вопросы следователь задает потенциальному преступнику, выдавшему себя неосторожным словом.

Кот не успел ответить, вмешалась габаритная «дама» в кумачовом головной уборе.

- Это мертвая царевна, - «догадался» пьяненький Красный Шапк. – Надо ее поцеловать и все будет ок! - И закатился смехом, посчитав свое предложение не только уместным, но и забавным. Его никто не поддержал, но ему это было не нужно. Он ткнул рукой каждого из нас, дернул боярина-снегурку за косу, едва не сняв с нее скальп. – Ну-ка, быстро раскапывайте эту царевну! Давайте, давайте! – Замахал руками, как будто загонял кур в курятник. И деловито сообщил, - а я пока соберу ветки, - чем вызвал в рядах масок недоумение.

Я был совершенно трезв, но под действием сложившихся обстоятельств пребывал в блаженно-полусознательном состоянии: делал не то, что нужно, говорил тоже не то, что нужно - руки, ноги, голова жили отдельно друг от друга, внезапно «раздружившись».

- Хочешь сделать метлу, чтобы счистить ее от снега? Или хочешь соорудить костер и сжечь ее, а пепел развеять? – поинтересовался я вкрадчиво, напряженно складывая из своих мозгов мозаику, которая соответствует нормальному человеческому мышлению. Пока мне не удалось сложить правильно.

- Нет, - качнул он головой так резво, что едва не завалился на то место, куда некоторое время назад приземлился Атос. – Щас будем тянуть жребий. Кто вытянет короткую палочку, тому и оживлять принцессу. Всем все ясно? – строгим голосом спросил он, пытаюсь стоять ровно, без шатаний и заваливаний.

- Вы все с ума посходили, что ли! – взвыл мой напарник. – Повторяю для особо перепивших – она мертвая! И она не царица! Сказка закончилась!

Сам он был в глубоком подпитии еще десять минут назад, но трезвел на глазах. Пусть до нормы было еще далеко, но соображал лучше некоторых трезвенников.

- Еще неизвестно, кто сошел с ума, – вступил со своим замечанием Кот, нервно поигрывая тонким хвостом, зажатым в руке. Хвост ему порядком осточертел, что подтверждалось усиленными кручениями, способными отделить хвост от туловища. Игры с хвостом становились все ожесточеннее, что подтвердило мою догадку.

- Я не понял... - предупреждающе прошипел мушкетер, превратившись в злобного кота с усами, но без хвоста.

- Что тут понимать, - не дал ему закончить борец за безхвостие, - это неживая рука!

- Тоже мне, Америку открыл, - буркнул мушкетер, непроизвольно поглядывая на женскую ручку с колечком на большом пальце.

Видимо, Шапк тоже увидел украшение и выдал:

- Ядра – чистый изумруд.

- Хватит катиться по волне пушкинизма, - осадил его Атос слишком нервно. Теперь его возмущение было направлено больше на себя, чем на других. Брать на себя вину, было не в его правилах, поэтому он набросился на меня.

- Лопух, ты и есть лопух! Сейчас полиция приедет, и что мы им предъявим?

- Женщину, - не замедлил я с ответом, не решившись прибавить «труп».

- Какую женщину? – с трудом сдерживая рвущийся наружу гнев, поинтересовался он.

- Мертвую женщину, которую мы нашли в сугробе, - выкрутился я.

- А ты не заметил, что там, в сугробе, и в этом у меня нет никаких сомнений, лежит... манекен? Ведь ты к ней... к нему притрагивался, не я. Неужели нельзя было понять наощупь, что это - тело или пластмасса?

- А твои глаза где были! – взревел я.

- У меня плохое зрение, - выкрутился мушкетер. – При уличном освещении я, вообще, плохо различаю предметы.

- Пить надо меньше, - втиснул свой совет в наш диалог боярин-снегурка и хлопнулся на землю. И точно бы захрапел, если бы не заботливые коллеги, подхватившие его за руки-за ноги, и переместившие в теплое нутро ресторана.

Я сказал Атосу, что возьму переговоры с полицией на себя, но Атос, как настоящий мушкетер, последовал за мной на улицу...

Полицейские грозили нам штрафом за ложный вызов, но подобрали после приглашения к столу.

Остальную часть вечера я помню смутно...

Очень жаль, что наш корпоратив пришелся на двадцать пятое декабря, придется еще несколько дней ходить на работу, терпеливо ожидая наступления долгих каникул. И жаль, что на следующий день, в субботу, нельзя отлежаться. Пришлось встать и идти на работу с больной головой. Суббота у нас – рабочий день. Но трудиться, засучив рукава, никто не собирался, тем более, хозяин отбыл в Красную поляну кататься на горных лыжах. Это обстоятельство не прибавило нам энтузиазма.

Все трудящиеся массы, как один, заняли свои места ближе к двенадцати часам пополудни с величайшего позволения учредителя компании, человека более-менее понимающего. Гораздо лучше, если бы он дал всем выходной после вечеринки, но плюс три часа тоже немало.

Не скажу, что все были трезвы, но почти все мучились головной болью и умирали от жажды. Сначала дружно пили воду из кулера, после перешли на крепкий кофе. Никто не думал изобразить пристрастие к труду. Когда плавающие в разносортном спиртном мозги немного очистились, люди начали разговаривать сложными предложениями и немного понимать друг друга. От жалоб и сочувствий перешли к воспоминаниям. Тут и там слышались смешки. Один из доверенных лиц руководства предложил

«выпить по чуть-чуть», для восстановления жизненных сил, но никто не купился на его заманчивое предложение, мысленно назвав его провокатором и фашистом. И сразу все уставились в мониторы, будто в них имелась установка для людей с подобными проблемами: как прийти в себя после злоупотреблений.

В огромном помещении стало так тихо, что стало слышно, как скрипит стул под худосочной Дерябкиной. Остальные работники старались не шевелиться. Вчера Мария выступала в роли снегурочки, она же браталась с боярином, и обменялась с ним «скальпами» с головными уборами в придачу. Пока я не потерял над собой контроль, я видел ее в боярской шапке с мехом из ободранного зверя непонятного породы. Красные круги на щеках, подразумевающие снегурочкин румянец, делали ее похожей на скомороха. Даже выпивши она обходила меня стороной: «моя гражданская жена» с видом самбиста оставила неизгладимый след в ее душе и в мыслях.

Именно вертлявая Дерябкина решила прервать никого не тяготившее молчание.

- Ребята, у кого есть таблетка от головной боли? – зычным голосом спросила она, приковав к себе туманные взоры коллег. Надо признать, что выглядела она вполне сносно, на тяжелобольную не походила. И голос... Разве больноголовые так печатают слова? Они разговаривают страдальческим голосом. Вполне допускаю, что Дерябкиной тоже было плохо, но она относится к категории людей, живущих по принципу – «мне всегда плохо, когда другим хорошо». Другим сегодня было худо, поэтому нашей Маше было немного лучше.

- Извини, гильотину дома забыл, - развел руками парень, который вчера был Красным Шапком. Кажется, его зовут Аркадий. Хорошо, память начинает восстанавливаться.

- Остряк, - зло бросила Дерябкина и принялась что-то рассматривать под своим столом.

Аркадий прихватил свой бумажный одноразовый стаканчик, позаимствованный у кофейного автомата, и переместился ко мне.

Наверное, вчера мы с ним успели подружиться, поэтому он мне подмигнул, выудил фляжку из кармана пиджака и шепотом приказал:

- Давай сюда свой стакан.

Я плеснул в себя остатки кофе и опустил стакан под стол, где и получил свою порцию коньяка. В десяти метрах от нас сидел вчерашний Атос, носящий в миру имя Демьян. Демьян повел носом, сполз со стула и поковылял в нашу сторону. Прошел мимо, постоял в позе задумчивости, развернулся на сто восемьдесят градусов и взял след, по ходу прихватив свободный стул.

- Снег метет, ни зги не видно, - нараспев сообщил он нам, крякнул и тайно потянул свой стаканчик, появившийся ниоткуда. И таким же лирическим тоном продолжил, - спасибо, друзья, за кофе. – И опрокинул в себя коньяк.

- О, смотрите, Кот к нам чешет, - без особой радости проговорил Аркадий. Фляжка исчезла там, откуда и появилась. – С этим стукачком надо держать ухо востро.

- А мне он показался вполне... нормальным, - с трудом подобрал я определение вчерашнему Коту, так и не справившемуся с хвостом.

Пришито насмерть, не оторвешь, вспомнились мне слова Райкина из известного монолога о качестве услуг ателье по пошиву одежды.

- Ха, нормальный, - вставил Атос, - гад он нормальный.

- Эдик, кажется? – спросил я благостно, подлечившись микстурой «от Аркаши».

- Эдуард Червонцев, - процедил сквозь зубы Атос-Демьян.

Эдуард присоединился к нашей дружной компании, и, недолго думая, предложить отлучиться в ближайшее кафе для перекуса. Он так многозначительно шевелил бровями, что только дурак не догадался бы о скрытом подтексте.

- Мы не пьем... на работе, - сообщил Аркадий, перехватив инициативу у Демьяна. Не думаю, что их желания расходились кардинально. - Не мешай, Эдик, обсуждать важные дела на предстоящий год.

- Так я и...

- Иди, иди, Червонцев, - напутствовал его Демьян.

- Не дерзи, Палех, - осадил Эдуард Демьяна и с вызовом уселся рядом с нами.

- Ребята, пошли в курилку, в то здесь нам не дадут нормально поговорить, - озабоченно произнес Аркадий, вчерашний Красный Шапк.

Не тут-то было, Червонцев отправился за нами, напомнив, что курилка – общественное место.

Пришлось отложить продолжение банкета на неопределенное время. Тему для обсуждений быстро нашел Демьян Палех.

- Вы делали в детстве секретики? Разные фантики под стеклом?

- Впервые слышу, - обронил я. – К чему ты ведешь?

- Сейчас все объясню, - таинственным шепотом начал вчерашний Атос. – Меня научила этим секретикам мать, еще в далеком детстве. В их пору были такие игры. В нашем детстве их не было. По крайней мере, в моем окружении никто не делал секретики.

- Дёма, ближе к делу! – призвал его Аркадий.

- Одни дети делали секретики в земле, другие дети пытались их найти и варварски уничтожить. Чтобы враги не добрались до самой главной красоты из фантиков под стеклышком, делались ложные секретики, средние по красоте, на которые не тратили много времени. Обнаружив ложный секрет, враги его уничтожали и успокаивались. Позже они прознали об уловках соперников. - Демьян прервал свою речь, полную непоняток, и поскреб пальцем под носом, где вчера находились усы-щетка.

- Дёма, это всё, что ты хотел сказать? – вступил вновь Аркаша. - Если все, то я расскажу, как вчера я танцевал с...

- Больше ни слова! – прервал его я его. – Пусть бабы нас обсуждают, мы не будем опускаться до их уровня.

- Ну, ты даешь, Глеб, - восхитился Демьян. – Сначала показал, как ты уважаешь женщин, потом сам себе запротиворечил.

- Я уважаю женщин, уважаю и люблю.

- Если с твоими отношениями с женщинами всё ясно, то я могу продолжить?

- Ответ Палеху не требовался. – Я не зря рассказал о ложных и настоящих секретиках. Я думаю, что найденный вчера под снегом манекен был ложным секретиком. Под ним скрыли настоящий труп. Его прятали впопыхах, хотели после вернуться и перепрятать получше.

- А манекен служил указателем, - хохотнул Аркадий Фоминых. – Наверное, он стоял, как памятник, потом упал под сильным порывом ветра, его приворошило снегом, еще и дворники постарались.

- Нет, не так, - подключился я, - он стоял не как памятник, он и был памятником! Девушку похоронили в сугробе, не стали откладывать дела в долгий ящик, и воздвигли памятник не из мрамора или гранита, а из прочного пластика.

- Нашли тему для шуток, - укоризненно заметил Эдуард Червонцев. Мы надеялись, что он устанет слушать всякую бурду и удалится, но он стоял, как вкопанный.

- Есть предложение, - заговорщицким тоном произнес Демьян. – После работы отправимся в ресторан, где мы накануне весело провели время, и порыскаем по округе.

- Надо лопаты не забыть, - напомнил я.

- Только специальные, снегоуборочные, - подсказал Аркадий Фоминых.

- Нет, не пойдет, - покачал головой Палех. – Это работа тонкая, поисковая, как у археологов. Поэтому подойдут только маленькие лопаточки, детские совочки.

- Глеб, у твоих детишек есть совочки?

- Откуда у меня... - начал я и едва не разрушил свою легенду. – Может, и есть. Скорее всего, есть. Но я не хочу появляться дома.

- Ясно, боишься свою мегеру с видом борца-тяжеловеса, - хмыкнул Эдик. – Зайдешь в дом, больше не выйдешь.

- А тебе завидно, - брякнул Демьян. – Не каждому так повезет в любви, как нашему Глебу.

То ли выпитый коньяк, то ли включение в дружный коллектив, которого я сторонился целых два месяца, повлияли на меня странным образом: захотелось, действительно, прихватить с собой лопаты, лопатки, совочки, что угодно, и ехать вместе с друзьями «за туманом и за запахом тайги».

- Я поддерживаю Демьяна! – восторженно воскликнул я. - Надо ехать за город, в ресторан, и разбираться. А совочки можно купить по дороге, в детском магазине.

- Совсем народ рехнулся после корпоратива, - поставил диагноз Червонцев и, наконец, отчалил.

Мы спокойно опустошили фляжку. Потом наша компания пополнилась еще одним человеком, вчерашним боярином «со скальпом» снегурочки. Братание с Марией Дерябкиной не прошло бесследно. Маша вцепилась в него клещами, следовала повсюду, пришлось ему ретироваться на улицу. В поле зрения оказалась вывеска «Градус». Ноги сами понесли молодого мужчину в нужном направлении. Боярин, он же Рудольф Павлючик, оказался душевным и понимающим человеком. Не употребил бутылку за ближайшим углом, а поделился с коллегами. Коллеги уложили водку на коньяк, который, в свою очередь, приземлился на вчерашние дрожжи, и внезапно возжелали приключений. История о манекене-памятнике была терпеливо пересказана Рудольфу и воспринята им с пониманием.

- Ребята, - задумчиво протянул он, - зачем нам в снегу копать, ведь можно нанять специальную технику.

- В поисковых делах специальную технику не применяют, - плохо ворочая языком, доложил Демьян.

- Мы и без подручных средств обойдемся! – богатырским басом произнес Аркадий Фоминых и выставил вперед две здоровенные ручки.

- На месте разберемся, - вставил я. – Обрато поедем на моей машине, я вчера машину у ресторана оставил, пьяным за руль никогда не сажусь.

- А сегодня ты трезв, как стеклышко, - пьяно скалясь, заметил экс-мушкетер.

- До вечера еще уйма времени, успею протрезветь.

Естественно, я не протрезвел. Вызвонил своего брата и уговорил приехать к ресторану, чтобы забрать меня с приятелями и развести по домам на моем авто. Долго просить не пришлось, он быстро согласился.

Мы сели с мужиками в такси и отправились за город. О копательных средствах все дружно забыли...

От ресторана отъезжала вереница автомобилей: «скорая», полиция и даже машина с надписью на борту «ФСБ». «Прикрывал» всех, естественно, автомобиль МЧС.

- Опять какая-то сволочь позвонила и сказала о заложенном в ресторане взрывном устройстве, - догадался Демьян. - Нагрянули спецслужбы, переполошили народ, прочесали весь ресторан и ничего не нашли. Вот уроды! И не боятся, что их вычислят, впают срок или возьмут нехилый штраф.

- Точно урод. Тоже мне, нашел способ развлечься, - поддержал Аркадий Фоминых.- Наверное, чей-то ревнивый супруг. Она не взяла его с собой, он решил ей праздник испоганить.

- Собаку с милицией пришлось вызывать, - голосом стоматолога Антона Семеновича Шпака из комедии Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» проговорил Рудольф. Не нашел в себе силы сдержаться и продолжил, - два пиджака замшевых...

- Довольно, - успокоил его Демьян, самый протрезвевший и самый дерганый из всей четверки искателей непонятно чего.

Такси умчалось, мы стояли и смотрели, как стайка женщин разных возрастов втекает в помещение ресторана. Мужчин среди них почти не было,

всего парочка, да и те плешивые, один из которых заморыш, другой – бочка на ножках.

- Это к кому же из них он свою женушку приревновал? – задумчиво протянул Аркадий. – А девчонки ничего, - восхитился он, - особенно вон та, рыженькая в зеленом платье.

Рыженькая в зеленом платье с глубоким декольте и в наброшенном на плечи норковом полушубке заметила пристальный к себе интерес незнакомых потенциальных кавалеров и что-то шепнула на ухо своей подруге в красном мини. Девушки и без того не торопились войти в ресторан, а теперь и подавно замерли слева от входа и окликнули еще двух подруг. Все стало ясно – нас четверо и их четверо.

- А неслабый вечерок затевается, - с плотоядной улыбкой изрек Рудольф Павлючик.

- Пустили козла в огород, - констатировал Демьян с явным недовольством, таким же тоном напомнил, - мужики, у меня жена и ребенок. - Подумал и добавил. - Вася. В будущем году в школу пойдет, - зачем-то сообщил он, словно это что-то меняло.

- Так это в будущем, а пока его папашка может немного развлечься, - сразу сообразил Аркадий Фоминых. – И когда ты, Дёма, только успел и жениться, и сына родить?!

- Еще во время учебы в универе.

- А сколько тебе лет? – не удержался я с ответом. «Мушкетер» показался мне мужчиной в годах – около сорока, если не больше. Самому мне на днях стукнуло двадцать шесть.

- Двадцать семь, - ответил Дёма и глубоко вздохнул, как будто ему было лет на пятьдесят поболее.

- Вот что супружество с мужчинами делает, - гоготнул Аркаша, тоже считавший, что Демьян выглядит старше своих лет, и ошутимо хлопнул его по плечу. – Потому я и не женюсь, хотя, давно пора, в будущем году тридцатник грядет.

- Может, хватит анкетироваться,- осадил товарищей Рудик и облизнулся, как кот перед миской сметаны. – Такие кадры пропадают. Сейчас улизнут в ресторацию, и всё, пропал вечер.

- Ты забыл, зачем мы сюда приехали? – спросил единственный в нашей компании женатик.

- Не забыл, конечно, но на кой черт нам сдалась эта пластиковая кукла, если есть живые симафорчики. – Заметив недоуменные взгляды приятелей, Рудольф пояснил, - одна в красном, другая в зеленом. Глянь, как глазками стреляют в нашу сторону. Бац-бац, и я ранен в самое сердце, - простонал он и уже собрался двигать к входу в ресторан, то Аркашка прошипел:

- Рудя, Дерябкина идет по твою душу.

- Где? – испугался Рудольф и отчаянно завертел головой. Мы дружно покатались со смеху, а четверка девушек упорхнула, приняв наш хохот на свой счет. – Дебилы вы, дебилы и есть, - произнес он с недовольством.

- Ребята, за дело! – напомнил нам Демьян Палех и звонко захлопал в ладоши – призывал нас к действию.

Мы несколько не сомневались, что манекен будет нас дожидаться под снегом. И он дождался. Нас удивило одно – варежка вновь была одета на руку. Я взял на себя ответственность и стянул варежку. Колечко сверкнуло в лучах искусственного света.

- Как ей это кольцо напялили? И зачем? – Дёма присел на корточки и стал проворачивать кольцо на большом пальце. – Ребята, оно с разрезом! Надели на палец и сжали, чтобы кольцо крепче сидело.

- Тебя очень беспокоит это колечко? Или понравилось? – пробурчал Рудольф, расставшийся с надеждой отлично провести вечер в компании симпатичных девушек-симафорчиков и их подружек в блестяще-черном. – Бери его себе, дарю!

- Рудик, остынь, - успокоил его Аркадий, - сейчас покопаемся в снегу, а потом заглянем в ресторан, девушек проведем. Всё нормалек?

- Нормалек! Хватит стоять без дела! Мы сюда приехали кольцом любоваться или искать... что-то, - добавил он и поочередно посмотрел на нас в ожидании подсказки, будто мы могли знать, что или кто находится под манекеном.

Первым приступил к археологическим раскопкам Аркадий Фоминых, потом я, потом все остальные. Мы быстро откопали манекен в... купальнике яляповато-розового цвета, бережно отложили его в сторону и продолжили свои поиски. Под толстым слоем снега была замерзшая земля. В теплое время года здесь была клумба, на клумбе в ту пору красовались цветы. Теперь в этом месте у нас получилось овальное углубление с открытой передней частью.

- Дальше копать мы не можем, - доложил Аркадий и смахнул рукой пот со лба. Он присел на откопанный нами бордюр, мы, не сговариваясь, пристроились рядом. Места было немного, мы сидели плечом к плечу. Я сидел с краю, притулившись к снеговой стене. И вдруг заметил в этой стене, в сантиметрах десяти от замерзшего грунта, нечто темное. Поковырял вокруг пальцем, ослабил тиски замерзшего снега и вытащил мобильный телефон.

- Что там у тебя? – спросил Рудик, сидевший рядом со мной.

- Мобильник нашел.

- Это манекен потерял, - хохотнул Аркашка, дотянулся и вырвал из моих рук находку. – Точно мобильный чей-то,- на этот раз озадаченно протянул он.

- Только не говори, что его хозяйка лежит где-то здесь, - нахмурился Демьян.

В это время к ресторану подъехало такси, из которого вышел мой младший брат. Я пошел к нему, отдал ключи от автомобиля и отправил домой с напутствием – по городу не гонять, девчонок не катать, сразу поставить машину на стоянку у моего дома. Завтра мне очень хочется добраться до места работы на собственном автотранспорте. Выпало из памяти, что завтра законный выходной.

Когда вернулся к приятелям, те уже забыли о моей находке и дружно обсуждали, как будут делить девчонок.

- Попробуйте попасть внутрь для начала, - вставил я, взял у Аркаши находку и положил в карман пиджака, расстегнув предварительно куртку. – Это вчера был наш корпоратив, сегодня корпоратив у другой организации. Никто не забыл?

- Наверное, эта организация – налоговая инспекция, потому на вечеринке одни бабы, - пораскинув мозгами, сказал Демьян Палех.

- Отлично! – поднимаясь на ноги, воскликнул внезапно повеселевший Рудольф. – Я из вас самый старший, мне тридцать уже стукнуло, поэтому меня должны все слушать.

- Может, выберем главного по количеству родинок на теле, - пошутил Аркадий, который не собирался отдавать пальму первенства. – Я весь усыпан родинками, так что беру бразды правления в свои руки. – У него было такое хитро-дерзкое лицо, что Рудик спорить не стал, сообразил – Фоминых, в отличие от женатика Демьяна Палеха, не предложит мигом убраться восвояси. И для Демьяна он непререкаемый авторитет, ему не удастся оторваться от коллектива, который собрался выработать комплекс кобелино с невероятным ускорением...

Внутри ресторана мы попали беспрепятственно.

- Вечно мы опаздываем всюду из-за нашего дорогого Дёмы, - сокрушенно заметил Фоминых, поторапливая друзей у гардероба. – Народ давно празднует, а мы уговариваем нашего дружбана привести себя в божеский вид.

Друзья сразу сообразили – он работает на публику, в число которой вошли приветливая гардеробщица и охранник, взирающий на нас с неодобрением. Мы так торопились, так бурно вошли, что он не позволил себе нас притормозить. Повезло, что он не заметил нашей поисковой операции, слишком увлекло обсуждение с гардеробщицей предыдущего нашествия спецслужб. Мы услышали только окончание. Охранник сказал: «Знал бы, кто звонил, шею бы свернул». Этот свернул бы и не заморочился, белая сорочка в районе бицепсов едва не лопалась по швам.

Не пойму, зачем Аркадий помянул божеский вид Палеха? Божеским его вид можно было назвать с большим трудом: на нем были черные джинсы, сильно вытертые на коленях естественным путем, и тонкий трикотажный джемпер на два размера больше, причем непрезентабельного цвета – грязно-фиолетового. Пиджак, который сглаживал непарадный внешний вид, Палех зачем-то оставил на работе. Нам объяснил так:

- Неудобно работать физически, когда на тебе «семь одежек без застежек».

Наблюдательный слушатель мог задать некорректный вопрос: «Во что молодой мужчина был одет ранее, если теперешний внешний вид назван божеским?» Гардеробщица со стажем и озабоченный собственными проблемами охранник повидали на своем веку немало, от вопросов воздержались, тем более, уровень заведения не предполагал обязательное посещение в вечерних туалетах.

Все свое имущество Демьян Палех перед уходом с работы переложил в карманы куртки, а в данный момент это имущество перекочевало в карманы джинсов, в передние и задние. Карманы топорщились, особенно задние, и окончательно портили впечатление, в общем-то, о нормальном мужике с нормальным ростом, выше среднего.

Мы оценили его критическим взглядом, но вслух не высказались, чтобы он не обиделся и не ушел к своей жене и сыну Васе.

В тепле мокрые пятна на брюках от тающего снега начали увеличиваться в размерах, но мы на них не заикливались, к тому же у всех были брюки темного цвета, а в зале царил непринужденная атмосфера с приглушенно-интимным освещением. Только на небольшом пятачке сцены яркий луч выхватывал стройную фигуру в красном мини, которая весело, задорно, с огоньком декламировала:

Выйду голой в чащу,

Пусть сожрет медведь,

Всё равно мне в люди

Нечего надеть!

- Мы как раз вовремя, - достаточно громко сообщил всем нам наш заводила Аркадий Фоминых. – Народ находится в нужной кондиции, нашего появления никто не заметит.

- Не думаю, чтобы дамы будут против нашего вторжения, - вставил я, постоянно вращая головой по сторонам, - но их мужикам конкуренты не нужны.

- Я тебя умоляю, кого интересует их мнение, - хмыкнул Рудик, прихватывая со стола фужер с шампанским. – Мужики, начинаем пить по восходящей – повышаем градус постепенно.

Мы последовали его примеру и переместились от входа к колонне, возле которой я скучал накануне. С этого места сцена, на которой поочередно соревновались в красноречии женщины разных возрастов, просматривалась гораздо лучше.

Двое мужчин, которые вызвали у меня беспокойство, сидели перед сценой с важным видом главных судей, и после каждого выступления коллег женского пола что-то записывали в блокноты.

- Петухи в курятнике, - брякнул Палех.

- Сорняки в цветнике, - уточнил Рудик. В его руке была полная бутылка шампанского, из которой он благополучно наполнил наши опустевшие фужеры.

Мы задумчиво тянули пузырящий напиток и слушали стихотворения на тему Нового года. Пока выделилась только девица в красном мини, которая предпочитала съедение медведя отсутствию одежек. Видимо, девицу занимало только собственное выступление, поэтому она отделилась от остальных дам, с интересом следящих за конкурсом, и направилась к столу, чтобы подзаправиться. Но вдруг заметила четверку мужчин, заслуживающих внимания.

- Добрый вечер, - первой поздоровалась она и протянула руку так, чтобы мы не ограничились рукопожатием. Мы приложились губами в гладкой ручке. - Вы чьи-то? В смысле, вы к кому-то конкретно пришли?

- У нас машина сломалась, пока дожидались эвакуатора, сильно продрогли, - ответил Аркадий, мы уважительно на него посмотрели. – Если вы не возражаете, то мы немного погреемся.

- Пока такси не придет, - добавил Демьян. Теперь в наших взглядах было возмущение.

- Если вы не сильно торопитесь, то предлагаю присоединиться к нам. А к полуночи за нами приедет автобус и развезет всех по домам.

- Нас это устраивает! – без предисловий изрек Рудольф. И первым из нас назвал свое имя.

- Люся, - мило улыбаясь, сказала девушка.

Пока она делала знаки своей рыжеволосой подруге в зеленом платье, Аркаша наклонился к Палеху и процедил сквозь зубы:

- Мы тебя больше не задерживаем, иди к жене и Васе.

- Это почему я должен идти?! – приглушенно возмутился Демьян. – Я уже глаз положил на во-о-он ту брюнетку в сиреновом брючном костюме с мишурой на голове.

- Иди, Дёма, иди, - подключился Рудик. - У тебя вид пожарного инспектора, который пришел с проверкой. От тебя сейчас все начнут шарахаться, значит, и от нас. Люсина подруга, например, делает вид, что не замечает ее призывов.

- Можно подумать, это из-за меня, - пробурчал «инспектор». Его недовольный вид стал угрожающим и вместе с тем нездорово-возбужденным, будто он обнаружил на объекте явные нарушения пожарной безопасности в самый последний момент. – Я могу и обидеться, - предупредил он нас, старательно делая жизнерадостный вид. На мой взгляд, Дёма напоминал сумасшедшего, который выбирал жертву для изощренного удара пустой стеклотарой. Мои мысли подтвердило его желание вырвать бутылку с шампанским из рук Рудольфа. Рудольф отчаянно сопротивлялся, тоже подумав об опасных желаниях приятеля. – Почему вы Глеба не выдворяете? – опомнился Палех. – У него тоже есть семья, и не один

ребенок, как у меня, а четверо... Или пятеро? – спросил он, запутавшись в количестве.

Тут как раз к нам приблизилась Люся вместе с рыжеволосой подругой, поддавшейся ее уговорам. Девушки услышали последние слова Палеха и стали смертельно поражать нас взглядами, чтобы удалить из компании слабое женатое звено, звено с большим довеском. Только Дёму не коснулись убийственные взгляды: себя он точно не имел в виду. Мое имя девушки не расслышали, поэтому недовольство адресовалось всем троим.

- Я не женат и детей у меня нет! – скороговоркой доложил я. – Это была шутка. Розыгрыш для Дерябкиной, чтобы она отвязалась.

- Я так и думал, - поддержал меня Рудольф. – Такому видному утонченному мужику, как ты, супруга-штангистка совсем не подходит. Зря он назвал меня видным и утонченным: Люся, ранее благосклонно поглядывающая на него, переметнулась на мою сторону. Рудик сделал лицо «так тебе и надо!», не успел огорчиться, тотчас переметнулся на девицу с вызывающе-рыжими волосами, которая его заинтересовала еще на улице.

- Леокадия, - томным голосом назвалась девица в зеленом.

- Да, ладно, - не сдержал эмоций Рудольф.

- Очень приятно, - с восторгом произнес Демьян, впихиваясь между нею и приятелем, подхватившим идею по его выдворению.

- Дёма, ты не забыл, что дома тебя давно ждет...

- Мама, - опередил Рудика тот. – Но она будет только рада, что я встретил таких необыкновенных девушек. Уже устала меня уговаривать жениться. Говорит, денег заработал достаточно, большой дом выстроил, пора бы уже хозяйку в дом привести.

Против дома и уймы денег нам сказать было нечего. Добывать друга правдой мы не решились. А он этим воспользовался, встал между Люсей и Леокадией и завладел инициативой. Пока не прояснилась ситуация с нашим недвижимым имуществом и накоплениями в банке, девушки включились с ним в разговор с таким бешеным желанием, словно ни одной живой души

не видели несколько месяцев. Демьян подхватил их под руки и повел к столу, чтобы «выпить на знакомство».

На сцену тем временем взобралась квадратная дама, стала приплясывать и петь:

Мы милашки, куклы неваляшки,
Куклы неваляшки, красные рубашки...

После захватывающего выступления поднялся с места один из членов жюри и объявил:

- Антонина Мефодьевна, вы снимаетесь с конкурса. Ваше выступление не соответствует установленной теме. – Плешивый низкорослый мужичонка был под хорошим градусом, но изо всех сил пытался этого не показать. Говорил медленно, с передыхом после каждого слова и проделывал непонятные лицевые упражнения, чтобы укрепить внятность и довести начатое дело до конца.

- Иосип Иванович, - жалостливо промычала квадратная дама, названная Антониной Мефодьевной, - почему вы не сняли с конкурса Людмилу Терентьеву? У нее тоже выступление было не по теме. - Дама развела в сторону руки, как в народном танце. Дополнил впечатление носовой платок, зажатый в правой руке.

- Да, Терентьеву тоже надо снять с конкурса, - подхватился второй член жюри, тоже плешивый, как первый, но тяжелее в три раза. Глядя на них, приходил на ум рассказ Чехова «Толстый и тонкий». Пузан начал искать глазами Терентьеву, чтобы понять, как она реагирует на его заявление.

Мы сразу поняли, о какой Людмиле идет речь, но она и сама подтвердила, шепотом проговорив:

- Сейчас умру от расстройства. Этот старый козел, мой начальник, ко мне клеился, а я ему прямо указала дорогу, по которой следует идти. Вот он теперь мне мелко мстит.

- И до сих пор не уволил? - удивился Демьян, быстро ставший лучшим другом.

- Попробовал бы.

- У нашей Люси папа высоко сидит, далеко глядит, - усмехнулась Леокадия.

Я тотчас растерял интерес к Людмиле Терентьевой: никогда не нравились дочки высокопоставленных папочек. Наверное, мои приятели придерживались такого же мнения, сразу переключились на поиски новых кандидатур. Люся просекла и заявила:

- У моего отца давно другая семья, я никогда не обращаюсь к нему за помощью.

- Однако все осведомлены о ваших родственных связях, и никто не решается вступить с тобой в открытую схватку, - констатировала подруга. А я еще раз убедился, что женской дружбы не бывает. Оставалось только гадать, как Леокадия догадалась о нашем отношении к папиным дочкам. Ткнула пальцем в небо, и попала в цель? А ведь могла и ошибиться, тогда все мужики стали ходить павлинами вокруг ее подруги.

Интерес к Леокадии, способной подставить подругу, тоже испарился. Я бы ушел по-английски, чего так и не сделал накануне, но услышал слова Людмилы, обращенные в адрес Антонины Мефодьевны:

- Два дня выла, как белуга: дочь пропала, а полиция, такая-сякая, ничего делать не желает, а сегодня заявила на вечеринку и скачет, как слон.

- А слоны разве скачут? – заинтересовался Демьян, бережно поправляя блондинистые волосы Люси. Освободив румяную щечку, он прильнул к ней губами. После чего стал что-то нашептывать девушке на ушко. Девушка сдержанно улыбалась. Не сказать, что ее вдохновили на подвиги мужские слова, но указывать путь не спешила – по всей видимости, Дёма не вел себя, как пузан из жюри, ее начальник, дружеский поцелуй не задел ее женского достоинства.

Между тем Аркадий и Рудольф завладели вниманием еще двух подруг, в блестяще-черном. Девушки ходили на змей. Перспектива быть укушенными, парней не пугала.

Один я стоял, как неприкаянный, и не мог понять, чем меня зацепили слова Люси.

- Я так понимаю, что дочь нашлась, раз мать скачет, как слон, - громко рассудил я, желая перекричать звучную песню, льющуюся из уст особы в сарафане с очень открытой спиной. Особа исполняла хит всех времен и народов «В лесу родилась елочка», постоянно поворачивалась к жюри и зрителям спиной, чтобы все оценили ее экстравагантность.

- Кажется, не нашлась, - ответила Леокадия. Обсуждать тему чужой пропажи у нее не было желания, поэтому она обратилась ко мне с предложением, - Глеб, приглашаю вас на белый танец.

- Под «В лесу родилась елочка?» – скривился я.

- Господа! Пора подвести черту!- прокричала Леокадия на весь зал. – Жюри объявляйте победителя и будем танцевать.

Ее-то и объявили победителем. Мы не слышали выступления, но девушка призналась, что читала стихотворение Есенина «Что это такое?»

- Вы, конечно, помните это стихотворение - сказала Леокадия, вернувшись ко мне с призом – большим апельсином, что явилось подтверждением догадки – конкурс решили провести спонтанно, никто заранее не готовил выступления, и не запасся подходящим призом для победителя. Я сообразил, что меня хотят «макнуть» и одновременно выказать свою эрудицию.

- Конечно, помню, - ей в тон ответил я. – Там еще есть такие строки: Подойду, взгляну поближе: хрупкий снег изломан весь. Здесь вот когти, дальше лыжи. Кто-то странный бегал здесь...»

- Bravo, - восхитилась Леокадия и захлопала в ладоши.

- Bravo, - присоединилась к ней Люся. – Мне не стыдно признаться - я не люблю Есенина.

- Как можно не любить Есенина! – театрально возмутилась подруга, прервав рукоплескания в мой адрес. Теперь ее ладошки соединились под подбородком. Я удивился, почему длинные когти не проделали в подбородке основательную дыру. – Вот послушайте!..

Терентьева не дала ей устроить литературный вечер, за что мы с Демьяном были ей благодарны. Люся схватила нас за руки и потащила к Аркадию и Рудольфу, которые азартно ухлестывали за «змеями». Вскоре зазвучала энергичная музыка, и мы пустились в пляс. Я наблюдал за Леокадией. Сначала она не двигалась с места, хмуро следила за нашими телодвижениями, потом под села к коллегам, у которых желание выпить и закусить преобладало над танцами.

Незаметно Демьян достиг выхода, повернулся, махнул мне рукой и исчез. И правильно – пусть идет к жене и сыну Васе. Две ночи подряд провести в беспокойстве это весьма сложно для любящей супруги.

Я взглянул на свои часы. Время было еще детское – начало одиннадцатого, но спать хотелось ужасно. Выпитое шампанское сыграло роль снотворного. Я предложил друзьям выйти на свежий воздух. Девчонки последовали за нами. В это время Демьян садился в такси. Нас он не заметил. На крыльцо выпорхнула и Леокадия, липучка и воображала. Я спустился по ступенькам и подошел к месту, которое мы выкопали в снегу. Кто-то заботливый, скорее всего, Демьян, поставил манекен на ноги, приткнув к сугробу. Со стороны казалось, что женщина стоит в ванне, если не видеть, что в «ванне» не хватает большой боковой части. Колечко так и поблескивало на большом пальце правой руки. На левой руке пальцы были кокетливо оттопырены. Я присмотрелся и заметил еще одно кольцо, болтающееся на безымянном пальце левой руки. Я хорошо помню, что этого кольца раньше не было.

- Глеб, нашел себе новую подружку? – засмеялся Аркадий, намекая мне на сдержанность. Я и не собирался рассказывать девицам о наших поисках непонятно чего.

- Глеб, вы замерзните, пойдете внутрь, - прощепетала заботливая Леокадия, предъявив на меня свои права.

Я никак не отреагировал, пусть считает меня невежей. Все внимание завладело кольцо, которое в ближайшем рассмотрении оказалось мужской запонкой. И сидела запонка не на безымянном пальце, а засунута между пальцами. По-другому никак, запонка все же, не колечко. Недолго думая, я позвонил Демьяну. Номерами мы обменялись сегодня днем после распития фляжки с коньяком. Я был уверен, что манекеном занимался именно Палех в

ожидании такси. Хотел узнать, откуда взялась запонка. Не иначе нашел на крыльце, обронил кто-то из двух мужчин – выбор невелик: толстый или тонкий. Оказалось, не на крыльце. Дёма сказал, что запонка лежала у края бордюра клумбы. Но это тоже ничего не значит – мужчины ходили туда-сюда пока работали специалисты по поиску взрывчатки в помещении ресторана. Демьян засунул запонку между пальцев дамы в аляповато-розовом купальнике, чтобы человек нашел свою потерю. Человек, который нашел чужую варежку, тоже выбрал торчащую из сугроба руку манекена в качестве указателя. В отличие от нас он быстро разобрался, что лежит под снегом.

Я снял запонку с пальца, пристально ее рассмотрел. Камень прямоугольной формы напоминал настоящий агат. Может, он и был настоящим, судя по весу. Работник налоговой инспекции вполне может себе позволить покупку запонок с агатом. Догадку Аркадия или Рудольфа, не помню, кто из них первым предположил, где трудятся женщины, подтвердила Людмила Терентьева...

Надо признать, Люся мне нравилась все больше и больше. Она не кичилась своим высокопоставленным отцом, не вешалась никому из нас на шею, была остроумной, прекрасно владела своим изящным телом. И не умничала, как некоторые поклонницы Есенина, которые прибавляют себе очки на счет других. А другие, в частности ее якобы близкая подруга, будто бы не замечает, не бросается ответным злобным словом, находит сдержанное оправдание и переключается на другое. Но ее не назовешь легкомысленной: поцеловать в щечку позволила только старичку Демьяну, распознав его неглубокие намерения. Когда Рудик выпустил из рук свою «змею» в блестящей шкуре, та тут же куда-то смылась, а он решил сграбастать в охапку Люсю. Та спокойно отодвинулась и погрозила пальцем, без всякого кокетства, доходчиво. На меня, оставшегося без пары, не поглядывала с томным ожиданием. Когда звучала медленная музыка, сразу подходила к тощему субъекту, «завернувшему» выступление Антонины Мефодьевны, у которой пропала дочь. Один раз мне удалось перехватить Люсю. Мы топтались на месте, я долго молчал, а потом начал проводить допрос. Естественно, об Антонине и ее дочери. Люся отвечала односложно, в итоге предложила сменить тему. Я разволновался без причины, начал нести

всякую ерунду, перескакивая с пятого на десятое, будто был тугодумом и не владел вразумительной речью. Девушка подозрительно поглядывала на меня, решив, что я слишком много выпил. Я заткнулся на полуслове. Люся что-то спросила, я не расслышал, а переспрашивать не стал. Мы снова толклись на месте, и снова молчали. Возможно, она решила, что я обиделся, и неожиданно призналась:

- Антонина была любовницей моего отца.

- Антонина?

- Не удивляйтесь, это она сейчас... такой стала, а раньше, говорят, была очень красивой. И фигура у нее была обалденная. Я была совсем маленькой, когда отец нас бросил. Тонька призналась ему, что ждет от него ребенка. Он собрался вещи и ушел к ней, позабыв, что у него уже есть двухлетняя дочь. Да, он помогал нам материально, был прилежным воскресным папой, но это все не то. Он родной и неродной человек. Мне хотелось, чтобы мы с отцом каждое утро завтракали вместе, он меня целовал и уходил на работу. А вечером бы возвращался, и мы бы вместе ужинали и обсуждали пройденный день. Я бы все-все о нем знала, а он все-все знал обо мне. Редкие встречи не сблизили нас, напротив, отдалили друг от друга. Он постоянно был на взводе, я это замечала. Как замечала, что он постоянно поглядывает на свои часы, будто ждет-не дождется, когда истечет время исполнения отцовских обязанностей. Если о чем-то спрашивал, то ответа не слушал, ему была неинтересна моя жизнь. Я не могла сначала понять, почему этого человека называют моим папой. Папа есть у моей подруги Оли. Они вместе живут. А этот дядя не мой папа... Так и стала называть его про себя дядя папа.

- Я так понимаю, что исчезла ваша сестра по отцу? – не сдержался я.

- Я видела эту... сестру всего один раз. Отец всеми силами пытался нас подружить, но я совершенно не горела желанием с ней родниться. А когда этой девочке исполнилось двенадцать лет, из мест заключения вернулся ее настоящий отец. Он заявил свои права на дочь, а ее мать подтвердила его права. Оказалось, она ездила к нему на свидание... Когда вернулась и узнала, что беременна, решила найти более подходящего отца для своего ребенка. Новоявленный папаша долго на свободе не задержался, снова

получил срок на разбойное нападение на инкассатора. Мой отец вымаливал у матери прощение, но она его не простила. Мне показалось, что ей неважно было его возвращение, она мечтала насладиться его унижением. Что и произошло на моих глазах. В ту пору я была подростком, пятнадцать лет, голова забита разными революционными глупостями, но очень хорошо помню ту сцену. Больше всего я боялась, что мать его простит, и этот дядя папа будет жить у нас в доме. Не простила, но он горевал недолго, снова женился, быстро развелся, посидел «в девках», осмотрелся и снова подженился. На этот раз выбрал в жены молодую девчонку. У них разница двадцать лет.

- И давно случилась неожиданная весть от настоящего отца?

- Хотите узнать мой возраст? - усмехнулась Люся. – Я очень старая, мне двадцать пять.

- Ужасно старая, - поддержал я с улыбкой. – Но как вы оказались коллегами с Антониной?

- При отце Тонька дома сидела, когда он от нее ушел, вспомнила, что имеет диплом института народного хозяйства, и не без помощи его друзей устроилась в налоговую. Совершенно случайно я тоже оказалась в этой же инспекции Ленинского района. У них была вакансия. Не поверите, но мы с ней никогда не встречались до этого. Когда она услышала мою фамилию, то подошла и спросила, не дочь ли я господина Терентьева. Я ответила, да, я его дочь. А она его вторая супруга! Пусть и бывшая, но они сохранили хорошие отношения. Я ответила, что все знаю об... их отношениях, и о навязанной дочери и попросила впредь держаться от меня подальше. Антонина заявила, что я копия своего отца. Да, копия, могу так отбрить, что мало не покажется. Честно признаться, собиралась уволиться, а потом подумала – с чего вдруг?! Я пришла работать, а не козни строить. Антонина никому не сказала, что мы с ней... хм, родственники, побоялась – я тоже могу кое-что рассказать, и все сотрудники будут знать о ее отношениях с рецидивистом. Зачем портить себе репутацию. Но время от времени она меня ненавязчиво подкалывает, например, как сегодня. Могла промолчать, но не сдержалась. Я не обращаю внимания. Собака лает, а караван идет. Работа мне нравится, все у меня хорошо.

- С отцом видитесь?

- Не часто, но вижусь.

- И дети есть в новом браке?

- Нет, детей нет... Сама не знаю, зачем я вам все выболтала. Тем более, в такой неподходящей обстановке. Никогда и никому не рассказывала.

- У меня внешность, вызывающая доверие, - без тени смущения, даже с бравадой, произнес я.

- Бесспорно, - согласилась Люся, мягко улыбнувшись. Улыбка у нее была светлая, захотелось улынуться в ответ и сказать что-то теплое. Я мысленно запутался в теплых словах и не нашел ничего лучше, как поведать о смешном случае, приключившимся со мной и Демьяном сутки назад. Я красочно описал, как мы приняли манекен за мертвую женщину, кое-что присочинил, заставив Людмилу умирать от смеха.

- А сегодня я уговорил друзей приехать к ресторану, чтобы забрать мой автомобиль, а двигатель, не завелся, пришлось вызвать техпомощь, - нагло врал я.

- А ваш манекен кто-то успел превратить в памятник. Я заметила, что вы внимательно его рассматривали. Что-то нашли?

О запонке я не собирался рассказывать. И не потому, что хотел ее прикарманить. Пытался уличить момент для разговора с Тонким и Толстым, но они постоянно были в круге женщин. Ответить, что она ошиблась, значит, разогреть интерес, вызвать подозрение.

Достал из кармана находку Демьяна и показал Люсе.

- Наверное, ко-то из ваших мужчин потерял.

- Не думаю, - протянула она, - запонки носят только щеголи, наши мужики на такие подвиги не способны. Но мы можем их спросить...

И один, и второй ответили, что запонки не носят, и сделали такие презрительные физиономии, будто я предложил им выпить крепкого самогона после интеллигентных напитков.

Не знаю зачем, но я положил запонку с агатом в свой карман, манекену не вернул.

Я вызвал такси, автобуса ждать не стал. Подвез присоединившуюся ко мне Людмилу до ее дома, мы обменялись номерами телефонов и расстались, не договорившись о встрече...

Перед тем как лечь спать, я отыскал в ворохе зарядных устройств нужное – оно подошло для мобильного телефона, который я нашел в сугробе.

Устроившись под теплым одеялом, думал, моментально усну, но нет, голова начала производить математические вычисления, непосредственно связанные с погодными условиями. Первый снег в этом году выпал в начале второй декады декабря, он валил не менее суток. Потом наступила передышка. Иногда с неба сыпалась крупа, но недолго. Сильный снегопад случился позавчера. Значит, манекен лежал на припорошенной клумбе до этого. Тротуары расчистили, клумбу не тронули, и «похоронили» манекен. Из сугроба осталась видна одна рука. Кто-то из корпоративщиков предыдущего вечера пошутил, надел ей на палец бижутерию, еще кто-то – варежку, чтобы подвыпивший народ подумал, будто под снегом лежит замерзшая женщина, что мы с Демьяном и подумали. А сегодня Демьян заметил запонку с черным камнем у бордюра клумбы. И скорее всего, запонку раскопали сегодня мы. Как и мобильник, оказавшийся немного в стороне. Из этого следует, что и мобильник и запонка были потеряны накануне нашего корпоратива, перед тем, как случился сильный снегопад. Снег накрыл манекен, телефон и запонку. Вообще удивительно, как запонка могла отыскаться. Это все равно, что искать иголку в стоге сена. В детстве я много раз терял ключи от квартиры в зимнюю пору, когда случались баталии. Но ни разу не нашел потерю, хотя, искали всем большим коллективом. А тут мелочь, запонка.

Можно подумать, что неизвестный любитель розыгрышей, загадок и прочих развлечений предложил сыграть в игру – ищи убийцу по подсказкам... Но это не так, все гораздо сложнее, не шутки ради.

Или это я всё сочиняю на ходу? На самом деле здесь нет никаких хитросплетений, чьих-то подкидышей «для смеха» или «для испуга». Кто-то случайно обронил телефон и запонку. Скорее – один, и это женщина, посеял(а) телефон, другой, это мужчина, – запонку. Откуда взялась такая «обалденная» догадка? Запонки носят мужчины, в основной своей массе. Хотя, у женщин тоже бывают запонки на манжетах, но они меньшего размера, элегантнее что ли. Но женщина приходит на вечеринку в наряде неделового стиля, включая дам-руководителей, уставших от безликого однообразия, пусть и дорогостоящего. Теперь что касается телефона. Сам мобильник без рода, без племени, всем подойдет, но чехол! Чехол черного цвета, можно сказать темно-темно-коричневого, а по нему «порхают» розово-голубые бабочки. Мужик точно такой не выберет.

Фантазия достигла такого высокого уровня, что легко сочинилась история с похищением. Мужчина похитил девушку, но она просто так не сдалась, сопротивлялась, в результате чего была потеряна запонка. И мобильник, по которому она хотела позвонить при возникновении опасности. Или она разговаривала по телефону, когда на нее напали. Девушка не лыком шита, подбросила телефон к манекену, вальяжно отдыхающему на припорошенной снегом клумбе – чтобы нашли быстрее. Следовательно, всё произошло до начала снегопада. Или снег уже начал сыпать с неба, но без фанатизма. Кто мог предположить, что в нашем южном регионе случится снегопредставление, похожее на конец света. По крайней мере, для наших коммунальных служб это точно конец света, потому они предпочитают сидеть по норам и носа не высовывать, чтобы где-нибудь не застрять. Телефон и запонка благополучно скрылись под снегом. И если бы не четверка подвыпивших мужиков, подначивающих друг друга, запонка и мобильник могли быть были обнаружены после длительного потепления, которое трудолюбиво очистит тротуары и прилегающие «окрестности» от чернеющего снега.

Как-то так...

Теперь о первоочередных мероприятиях. К утру батарея мобильного зарядится, я проверю список контактов, выберу «жертву» и позвоню, пусть мне скажет, как зовут растеряшку. Потом свяжусь в этой растеряхой, мы договоримся о встрече, и я верну чужую вещь.

Очень надеюсь, что свяжусь с ней, что она жива-здорова, грустит лишь по поводу потери мобильной собственности...

Мои попытки погрузиться в сон не оправдались. Я лежал и наблюдал за круглолицей луной, без проблем освещавшую мою спальню. Час назад мне безумно хотелось спать, сейчас сон сняло рукой воспоминаний, которые я упорно закрывал на несколько ржавых замков, чтобы они не открылись.

Все люди живут своей нормальной жизнью, не у каждого происходит взрыв в голове после жутчайшей трагедии. И после взрыва окружающие предметы теряют яркие краски, их как будто заретушевывают простым карандашом, потому всё вокруг становится серым, тусклым, добивающим. Оно съедает тебя, как съедает туман тающий снег в период оттепели, оно тебя угнетает и одновременно успокаивает: таким способом ты доказываешь себе, что полужив. Тебе нельзя жить в полную силу, как все обычные люди, не испытавшие того, что испытал ты. И не только испытал – ты являешься косвенной причиной случившейся трагедии, в которой пострадал ни в чем неповинный человек. Что сделал ты? Что, ответь! Почему не убил себя, не отправился вслед за ним? Скажешь, изменил свою жизнь и пытаешься изменить себя. Смешно. Неужели смена статуса схожа с расставанием с жизнью?! Или окружающая серость будет постоянной частью жизни? Рано или поздно серость начнет давать трещины, сквозь трещины пробьется яркий свет, который поглотит образ той, что была так тебе дорога. Была безумно любима тобой, человеком, ставшим причиной ее ухода. Её нет, а ты отвратительно играешь роль страдальца. Устал от своей роли до такой степени, что выдумываешь всякие небылицы о похищенных девушках, пытаешься доказать, что кому-то тоже плохо. Не так, как тебе – твое Горе самое большое горе в мире.

А кто ходил на праздник? Кто напился до чертиков? Не надо говорить, что заливаешь горе спиртным! А еще с девчонками заигрывал. Забыл? Неужели тебе мало одной жертвы? Сейчас ты выкрутишься – якобы в настоящий момент у тебя ни-че-го нет. Живешь на небольшую зарплату в однокомнатной квартире в блочном доме, сменил престижный авто на недорогую иномарку, каких полно бегают по дороге. Щедрый малый, свою долю в бизнесе подарил двоюродному брату, с которым вместе росли и вместе создавали свое дело. Начинали с маленькой клетушки, мало

похожей на магазин. Сами придумали торговать бытовой техникой с небольшим внешним браком. Брак никоим образом не влиял на работу, разница с товаром без внешних вмятин, царапин, сущей ерунды была в цене, причем разница была ощутимой, небогатый народ «без претензий» тянулся в нашу каморку без перерыва. Очень быстро мы перебрались из каморки в торговый центр, взяли в аренду небольшую площадь, постепенно начали прихватывать площади соседей. Затем превратились в сеть магазинов по продаже техники с незначительными дефектами. За пять лет вчерашние студенты разбогатели. Двоюродный брат женился, я готовился к свадьбе с самой прекрасной девушкой на всем белом свете...

В соседней квартире жила одна бизнесвумен с сыном-наркоманом. Попыталась его лечить, но без особых успехов. Вместе с двумя отморожками подобными себе он похитил мою девушку. Они держали ее на даче, принадлежавшей матери одного из них. Требуемую сумму я оставил в условленном месте, в полицию не обращался. Все исполнил, как мне приказали по телефону. Девушку мне и не вернули, к назначенному дню обмена ее уже не было в живых.

Она скончалась на следующий день после похищения. Не выдержала издевательств этих садистов. Наркоманы получили мои деньги, и в тот же день отбросили коньки от передоза. Четыре тела обнаружила хозяйка дачи, мать одного из похитителей. Догадывалась, где отсиживается ее ублюдочный сыночек. Странно, что забеспокоилась только через неделю. Остальным родителям, вообще, было все равно, где их дети-наркоманы.

С тех пор минуло полтора года. Я продал квартиру в центре, купил две квартиры в спальном районе – одну для себя, другую для своего родного брата-студента. Оплатил наперед его обучение в университете, открыл счет в банке на имя своей матери, на который перечислил все свои оставшиеся деньги, два месяца назад устроился на работу, и превратился в чудаковатого человека. Так казалось моим новым коллегам до вчерашнего дня.

Получается, я предал свою девушку? Недолго я мучился и страдал. Сейчас начну искать себе оправдания: молод, все течет, все изменяется, она была бы только рада, если бы у меня все сложилось... Сволочь ты последняя, Глеб Бургомистров. Еще скажи, что... А если и правда меня навели на эти находки

специально, чтобы я, не кто-то другой, а я, сообразил, что к чему и помог человеку, который нуждается в помощи.

Я не собирался идти на новогодний корпоратив, но пошел. Не собирался задерживаться, но задержался. И совсем не собирался выяснять отношения с Атосом на морозной улице. Но мы вышли, заметили манекен, а дальше всё понеслось-поехало. В итоге вернулись к ресторану на следующий вечер, и обнаружили мобильник, потом – запонку с агатом.

Я не стану утверждать, что поиски вернут меня к жизни, а поиски со счастливым концом избавят от вины. Я больше не могу жить в серой коробке, вокруг которой ходят люди, безуспешно пытаются до меня докричаться, что-то требуют или пытаются вызвать на разговор. Я всегда был чувствительным человеком, заботливым и добрым. По крайней мере, так отзывались обо мне знакомые и друзья, часто пользующиеся моей добротой. Привирали, чтобы разжалобить, льстили себе в угоду? Все может быть. В любом случае, я не бетонная плита, могу и понять, и посочувствовать, и оказать любую помощь, и накричать, если нужно. Я живой человек. Да, живой. Не собираюсь возвращаться к прежней жизни, буду идти по новому пути. Знаю, чем займусь завтра, а дальше будет видно.

Надо будильник поставить, чтобы не проспять... Блин, какой будильник, завтра выходной. Можно дрыхнуть до вечера, но я не буду. У меня есть важное дело.

Кажется, на крыле машины вмятина появилась, - вспомнил я, засыпая, - получит ремня мой младший братец.

И непроизвольно улыбнулся: полтора года я ничего не замечал...

В начале одиннадцатого соседи начали отбивать на кухне мясо. Видимо, у хозяйки настроение было не очень, она решила выместить злобу на будущих отбивных – колотила мясо ожесточенно, вкладывая все силы.

Для кого-то было позднее утро, для меня, человека с постоянным недосыпом, была глубокая ночь. Я укутывал голову подушкой, чтобы понизить кухонные звуки, затыкал пальцами уши, что только не делал,

больше злился, в итоге проснулся окончательно. Когда вышел из ванной, только тогда насладился тишиной. Пока на плите шкворчала яичница, я копался в чужом телефоне. Хотел посмотреть фотки, но остановил себя – не дело! Вдруг там хранятся запрещенные для чужого глаза снимки.

В списке контактов нашел телефон мамы хозяйки телефона. Звонить надумал со своего мобильного – мне таиться не нужно.

Ответил женский голос, звучал он затравленно, будто женщина готовилась услышать неприятное известие. Я вежливо поздоровался и сказал, что у меня в руках телефон ее дочери (не рискнул назвать сыном). Телефон я нашел в снегу и собираюсь передать его владельцу, с которым хотел бы обсудить место нашей встречи. Никакие вознаграждения мне не нужны. Нет бы, передать трубку дочери, она принялась меня допрашивать.

- Вы знакомы с моей дочерью?

- Нет, я же вам всё объяснил...

Пришлось терпеливо повторить. В любом телефоне ценны контакты, кто теряет телефон, тот знает. Сейчас редко запоминают номера друзей, тем более знакомых или учреждений, которые посещают нечасто, и зачем запоминать, если все номера хранятся в памяти мобильного телефона. Только из этих соображений я захотел вернуть свою находку, она же чужая потеря. Мог отдать мобильник охраннику или вахтерше в ресторане, но что-то меня остановило. Рассказ Демьяна о секретах, ложных и настоящих, развили бурную фантазию: да, манекен это всего лишь ложный секрет, указатель чего-то спрятанного, без сомнения не мобильного телефона. Прилепилась мысль, что в клумбе зарыто тело... девушки, из ее кармана или из сумочки выпал телефон. Глупость бредовая. Клумба у загородного ресторана – не место для сокрытия тела... Пора проснуться окончательно, пора, иначе убью мать своими безумными идеями. За год с лишним так намолчался – говорил кратко и по делу, что теперь, как человек, проживший некоторое время без еды и питья, все никак не могу насытиться. Хочется говорить и говорить, но не одно и то же, это бесит.

- Уточните, у какого ресторана вы нашли мобильный телефон? – продолжала допытываться женщина.

- Неужели это так важно? – начал закипать я.
- Дело в том, что три дня назад моя дочь пропала. Сказала, что поедет к подруге, но до подруги не доехала. Олеся, это подруга моей Анюты, сказала, что они не договаривались о встрече, она уже неделю гриппует.
- У Олеси фамилия Зайка? - спросил я, снова перелистав список контактов.
- Не Зайка, а Зайченко, это Аня ее Зайкой называла. Девочки вместе учились на истфаке, в этом году получили дипломы.
- А ваша дочь...

Женщина не дала мне продолжить.

- А моя дочь Анна Терентьева.
- Как вы сказали? – опешил я.
- Анна Терентьева, она носит фамилию моего... своего... в общем, неважно.
- Это тот самый Терентьев? – заинтересовался я, сделал вид, будто осведомлен о существовании этой городской знаменитости, хотя, впервые услышал о ней накануне из уст говорливой Леокадии.
- Тот самый, но она ему неродная дочь, он ее воспитывал до двенадцати лет, потом мы расстались. С тех пор между нами нет никаких... отношений. Он не желает со мной общаться. Поэтому я не могу... просить его о... Ни о чем не могу просить, в общем, - сбивчиво и мало понятно объяснила мать Анюты.

Теперь у меня не осталось никаких сомнений, что я говорю с Антониной Мефодьевной, квадратной дамой, которая вчера со сцены пела песню о милашках – куклах неваляшках.

- Вы так спокойно говорите об исчезновении дочери. И вчера... - Я с трудом удержал себя от нравоучений. - Олеся до сих пор не дала о себе знать?
- Можно и так сказать, - неопределенно ответила женщина, опомнилась и спросила, - что вы хотели сказать о вчерашнем дне?

- Я нашел телефон вчера, - ответил я и честно назвал ресторан, где накануне веселился.

- Мы там отмечали новый год! И именно вчера! - воскликнула она.

- А я проезжал мимо, хотел поужинать, но меня внутрь не пустили, сказали - закрытая вечеринка. Возвращаясь к автомобилю, заметил в сугробе предмет. Это был мобильник. Батарея была совсем разряжена. Дома ее подзарядил, утром позвонил вам. Так я не понял – ваша дочь дала о себе знать или нет?

- Вот почему она не отвечала на мои звонки, - наконец-то догадалась мать.

- Анюта мне звонила вчера ранним утром, - разделяя слова, ответила она на мой вопрос. В голосе сквозило сомнение.

- Это была ваша дочь, ни кто-то другой?

- Что ж я голос дочери не узнаю! Но связь была плохая, - поникшим голосом сказала Антонина, засомневавшись в своей прежней уверенности.

- И что сказала?

- Что сказала, - пробурчала женщина. – Ничего толком не сказала, а я не успела ничего спросить. Звонок был на домашний номер, говорю же - слышимость была плохая, я с трудом разобрала, что она уехала отдохнуть, скоро вернется, и чтобы я не волновалась, у нее все хорошо... Но голос был какой-то... странный, как неживой, совсем не голос человека, у которого всё хорошо.

- Может, вам поговорить по душам с ее подругой, с Олесей Зайченко, вдруг она что-то знает. Например, о парне, с которым встречалась ваша дочь. У Ани был парень?

- Она с ним рассталась, - сдержанно ответила Антонина Мефодьевна. – Другого парня у нее не было! И с чего вы взяли, что Олеся знает то, чего не знаю я?!

Старо, как мир – дочкиного кавалера мать не приняла, девушка встречается с ним тайно. И с ним же она укатила куда-то встречать Новый год. Выдержала паузу, и потом успокоила мать по телефону. Свой телефон случайно обронила. Странно, что взрослая дочь прислушивается к мнению

матери. Послушная, наверное. Но всякому послушанию приходит конец, если мать пилит денно и ночью.

Пока я размышлял, Антонина рассуждала о современной молодежи. Обо всех она говорить плохо не имеет права, есть еще воспитанные молодые люди, как я. По вежливому голосу и по поведению – нашел чужую вещь и решил вернуть - понятно, что я положительный во всех отношениях молодой человек. Наверное, с высшим образованием. Я ответил утвердительно, добавил, что школу окончил с золотой медалью, университет с красным дипломом. Не заметил, как разболтал «величайшую» тайну незнакомому человеку.

- Вот бы моей Анечке такого мужа! А то всякая шушера к ней липнет.

- Давайте сделаем так, - приостановил я материнские мечты о подходящем зяте, - я отдам телефон Олесе Зайченко, пусть девушки сами между собой разберутся.

Встречаться с Антониной мне не хотелось. Она меня узнает, все-таки крутился вокруг Люси Терентьевой, к которой она питает «нежные» чувства, потому и глаз не сводит, чтобы найти причину для болезненного укола. Люся утверждает, что ей параллельно, но я так не думаю.

- Правильно, отдайте Олесе, - согласилась Мефодьевна и запротиворечила себе, позабыв недавнее заявление, - Олеся может знать, куда уехала Анна и с кем... Если уехала, конечно. В чем я лично сомневаюсь. Если телефон окажется в руках Анны через Олесю, то я буду знать, что дочь никуда не уехала, а её подруга в курсе дела. И тогда позвоню и устрою выволочку!

- А почему вы думаете, что Анна никуда не уехала?

- У нее денег нет на разные поездки, после университета так на работу и не устроилась, а у ее кавалеров дырявые карманы... И у этого, последнего, тоже нет ни шиша. Это она меня успокаивала, говорила, будто они расстались, а на самом деле... Я его за решетку упеку за похищение моей девочки!

- Погодите вы упекать! – Как ни держал себя в руках, но раздражение лезло наружу. Хотелось передать мобильник Анны ее подруге и умыть руки. Но я

знал, что так не поступлю. – Ладно, я всё сделаю, как договорились, а потом вы сами разбирайтесь.

- Вы уж мне перезвоните. Волнуюсь я, - слезливо произнесла женщина. – Мы с вами так и не познакомились. Меня зовут Антонина Мефодьевна.

- Глеб, - коротко назвал себя я.

- Позвоните мне, Глеб. Олеська с вами будет более откровенной, чем со мной. – Прямо не женщина, а одно сплошное противоречие.

- Позвоню...

По прононсу я сразу понял, что Олеся продолжает грипповать. Объяснил, что нашел чужой мобильный телефон, набрал последний вызов, но мне не ответили, следующий разговор хозяйки телефона был с ней, с Олесей Зайченко. Про последний вызов я, естественно, приврал. Но с Олесей, действительно, Анна разговаривала в начале двенадцатого в день своего исчезновения. Последним человеком, кому звонила Анна Терентьева, был некий Кузя. Просто Кузя, без фамилии.

- Это Олеськин телефон, моей подруженции. Могу дать вам ее адрес.

Я согласился. Записал адрес на листе бумаги. Антонина с дочерью жили неподалеку от меня. Но Олесе лучше этого не знать.

- У черта на куличках, - вздохнул я. – У меня совсем нет времени. А вы где живете? – Анна ответила. Вот это точно «на куличках», но зачем ей об этом знать. – А можно я вам мобильник отдам? Мне это гораздо удобнее – я живу в двух шагах. А вы с подругой сами разберетесь.

- Приходите, если не боитесь гриппом заразиться, - после паузы, согласилась без особого желания Анна. – И будет лучше, если вы поспешите. Мои родители закупаются продуктами на новогодний стол, вернутся часа через два. Не хочу, чтобы они стали свидетелями нашего разговора, а потом учинили мне допрос...

Лишний раз я убедился, что мне с родителями повезло, - рассуждал я, объезжая по закоулкам воскресные «пробки». – Никогда мне не читали

нравоучений, не указывали, с кем дружить, а кого обходить стороной. Может быть, дело во мне. Я рос прилежным мальчиком, родители «горя со мной не знали», как всегда говорили соседи. Чего не скажешь о моем младшем брате. С рождения он был бедовым заводилой. Вот и разберись, как такое могло случиться – два сына от одних родителей, один паинька, другой «оторви и выброс», как опять же утверждали всезнающие соседи. Наши родители, культурнейшие и интеллигентнейшие люди, один доцент, другой профессор на кафедре «Высшей математики» технического университета, недавно, наконец-то, вышли на пенсию по моему настоянию. Я поздний ребенок, они у меня давно «взросленькие», хватит им мучиться с нерадивыми студентами. Надеюсь, они не будут экономить, проживут нормально хотя бы на старости лет. Денег на счете хватит не только родителям, но и моему брату, который постоянно прикидывается бедной овечкой. Ласковое теля двух маток сосет. Это я о своем хитрющем брате Олеге. И там подластится, и там, в итоге в кармане звенит. Я таким не был, с первого курса подрабатывал своим собственным умом. Не стал поступать в тот вуз, где преподавали предки, не хотел, чтобы на меня косились и говорили, что пятерки ставят по блату. Вообще, уехал в другой город, не за тридевять земель, а всего-то за сто пятьдесят км. За мной потянулся Олег, родители отпустили его спокойно – пригляд за ним будет. Я для младшего брата БОльший авторитет, чем наша «профессура», как за глаза величает родителей Олежа. Брат не глупее меня, но лень матушка вперед родилась. Недавно огорошил меня новостью – собрался жениться на своей сокурснице. Естественно, я сразу спросил: «Неужели скоро стану дядей?», на что получил возмущенный ответ: «Мы пока с ума не сошли!» Можно подумать, детей рожают одни сумасшедшие.

До девятнадцати лет я девушек обходил десятой дорогой. Не знаю, чего боялся больше: получить отказ или поймать презрительный взгляд. Сколько себя помню, всегда считал себя угловатой каланчой, вдобавок еще на лице прописались гадкие юношеские прыщи. Прыщи остались в юности, а боязнь противоположного пола зубами вгрызлась. Девчонки в классе замечали меня перед контрольными, когда нуждались в моих мозгах. Курсе на третьем я услышал, как одна незнакомая студентка говорит другой: «Смотри, какой классный кадр пошел». Я завертел головой в поисках классного кадра, чтобы понять, кто удостоился интереса таких симпатичных девчонок.

Оказалось, речь шла обо мне, кроме меня по коридору никто не проходил. Заметил закрывающуюся дверь в одном из кабинетов, но не подумал, что в этом кабинете скрылся «классный кадр», о котором с придыханием говорили девчонки. Очень хотелось, чтобы меня оценили по достоинству.

Доброе слово и кошке приятно, это всем известно, меня оно, тем более, не обошло стороной, я зарядился положительными эмоциями и постарался соответствовать. Сразу как-то вытянулся, расправил плечи, убрал с лица маску уныния, неожиданно захотелось стать центром внимания. Больше я не чурался девчонок, научился в их присутствии болтать, балагурить. Сходил в парикмахерскую и состриг свои несуразные кудри. Стал наведываться в «качалку». Но не усердствовал, занятиям уделял мало времени, надо было строить свой бизнес...

За воспоминаниями не заметил, как добрался до дома Олеси Зайченко.

Мне открыла дверь кнопочка с двумя хвостиками. На кнопочке был теплый спортивный костюм, больше похожий на пижаму, горчичного цвета. На груди красовался озорной зеленый червяк, вылезавший из красного яблока.

- Добрый день, я к Олесе, а ты ее сестра?

- Я Олеся, - прогнусавила девушка. – Из-за моего маленького роста все принимают меня за школьницу. Я не школьница, а учительница. Поначалу мои ученики веселились на уроках, даже несколько раз срывали уроки, но потом поняли, с кем имеют дело, - сурово доложила она. - Вы проходите, а то меня просквозит. Никак не могу вылечиться, постоянно температура держится.

- Да, с гриппом шутки плохо, главное – вылежаться, чтобы осложнений не было.

- Вы медик?

- Нет, что вы, я от одного вида крови могу в обморок упасть.

- Вот мужики пошли! – не сдержалась от замечаний кнопочка. – Где Анькин телефон?

- Вот, - я протянул ей мобильник подруги. И объяснил, где его нашел, несмотря на то, что меня об этом не спрашивали. Надеялся на взаимную откровенность.

- Лучше телефон ее матери отдать, - проговорила Олеся, критически рассматривая мою находку, словно выискивала повреждения, за которые с меня надо спросить по полной программе. Я воздержался от лишних слов и ждал, что она еще скажет. - Анина мать мне звонила недавно, сказала, что Анька исчезла. А перед этим ей заявила, что направляется ко мне. Странно... Мы с ней созванивались, но она не просила ее прикрыть перед матерью.

- Она так и не объявилась?

- Не объявилась, но звонила матери, сказала, что уехала отдохнуть... Ага, отдохнуть от жизненных ошибок, - скривилась Олеся, я догадался, что она не очень жалуется свою подругу. - У нее ветер в голове гуляет. Всем своим парням рассказывает, кто у нее папа. А они думают, что она богатая невеста, и клюют на нее, а он ей такой же папа, как мне.

- А кто у нее папа?

- Вот и вы... - вздохнула Зайченко.

- Простое любопытство, - развел я руками.

- Он помощник губернатора области по каким-то там вопросам, я точно не знаю, мне это ни к чему. Терентьев, слышали, наверное.

- Не помню, может, слышал, может, нет...

- Чаю хотите? - неожиданно предложила она.

- А ваши родители? Вдруг раньше времени вернуться?

- У вас... такая... впечатляющая внешность, что они слова не скажут. Но если услышат имя моей подруги, начнут меня корить, почему такие отличные парни достаются другим, не мне. Объяснения им не нужны, они легко делают собственные выводы. Поэтому в их присутствии будем говорить о погоде.

- Вдруг я бандит с большой дороги, а внешность обманчива?

- Не скажу, что вы многословны, но даже по коротким репликам могу понять, что вы – человек с высоким интеллектом. В наше время не всякий молодой человек способен так красиво говорить, без вставок, которые моментально портят общее впечатление. Мало читают, в этом причина.

- Если бы нас кто-то подслушивал, то мог подумать, что общаются два пенсионера. Они обличают современную молодежь, ругают время, коверкающее психику, - высказался я, наблюдая за складными движениями рук Олеси.

Она ловко накрыла на стол. Я пил чай с мелиссой и с галетным печеньем из детства - печенье в виде фигурок зверей, и слушал Олесю. Она рассказывала о своих учениках, с любовью и гордостью. Даже о хулигане Семеркине говорила без злобы. Семеркин измазал клеем учительский стул, она села и приклеилась. Юбку жаль, почти новая была. Еще хорошо, что не порвалась, а то бы случился конфуз.

- Ваша подруга Аня не пожелала учительствовать? – поинтересовался я, несмотря на то, что хотелось слушать рассказ Олеси.

- Разве она пойдет на такую зарплату! Ей сразу давай большой оклад и чтобы делать ничего не надо.

- Вы ее не любите? Зачем тогда общаетесь?

- Это она со мной общается, не я. А я устала от ее гениальных идей, любовных переживаний, сопровождаемых горькими слезами, - призналась девушка. – У меня своих проблем полон рот, а приходится вникать в ее проблемы, сочувствовать, советовать. Вот же послал Господь подругу на мою бедную голову. Небось, осуждаете меня за безразличие: сидит и в ус не дует, а вдруг с Аней случилась беда! В глубине души я волнуюсь, хотя, знаю, что ничего с ней не случилось, погуляет и вернется. Не впервой.

- Да что вы! – всплеснул я руками, едва не свалив на пол чашку. – Неужели подобное уже случилось?

Мои неискренние жесты девушку озадачили. Если сначала у нее сложилось обо мне благоприятное мнение, то теперь она поглядывала на меня с

опаской, как на авантюриста, усиленно пытающегося втереться в доверие несвойственным себе поведением, отчего всё выглядит неуклюже.

- Ни раз, и ни два, потому мать в полицию не заявляет. И только делает вид, что волнуется. Это лишний повод связаться с Терентьевым. Надеется, что он к ней вернется. Щас! У него новая жена, а Тонечку он видеть не желает!

- О чем вы с Анной говорили при последнем разговоре? Она не обмолвилась, что собирается уехать?

- Она сказала, что отшила своего Фому, нашла нового. Признаться честно, я была удивлена. Сколько нападок она выдержала от матери из-за этого Фомы, постоянно твердила мне о неземной любви к нему, и вдруг... появился новый...

- Имя называла?

- Кузя, кажется.

- И что о нем рассказывала?

- У меня была высокая температура, я плохо соображала... Будто бы он гораздо старше нее, при должности и при деньгах. И свободен, что немаловажно, не придется уводить и семьи. Если я ничего не путаю, в тот день он пригласил ее в ресторан. Вполне возможно, что просила ее прикрыть, если мать начнет разыскивать, но я пропустила мимо своих заложенных ушей.

- В какой именно ресторан Аню пригласил Кузя?

Олеся задумалась, а потом назвала загородный ресторан, в котором я успел «прописаться».

- Возле этого ресторана я нашел ее мобильный телефон. И что же получается?

- А то и получается, что Анька перебрала и посеяла свой мобильник. Она может... Кузя отвез ее к себе, а утром они спонтанно решили отправиться в путешествие.

- И Анна не поставила в известность свою мать?

- Я же говорю – это не в первый раз! Тоня только изображает из себя заботливую мамочку, а на самом деле ей дочь до лампочки. Больше заботит неустроенная личная жизнь. У них обеих на этой почве крышу снесло. Вот мне и без мужа неплохо. Я человек самодостаточный.

- Причем здесь это, - ляпнул я, не подумав.

- Если не видите, то втолковать вам будет сложно! – сказала Олеся с таким видом, будто я позабыл таблицу умножения, о квадратных уравнениях речь, вообще, идти не может.

- Давайте позвоним этому Кузе и спросим у него об Анне, - неожиданно загорелся я. – Номер телефона у нас есть...

- Но вы, кажется, звонили? Сами сказали.

- Мне он не ответил, может, ответит вам, - выкрутился я.

- Не хочу я ему звонить, делать мне больше нечего! – вспыхнула Зайченко.

- Тогда давайте позвоним Фоме, ее бывшему парню, вдруг он что-то знает.

И эта моя идея не вдохновила девушку, вслух она не высказалась, но обращенный на меня взгляд говорил о многом - ее интерес падал с каждым произнесенным словом. Согласен, соображал я сегодня плохо, только придурок предложит спрашивать у предыдущего о новом поклоннике своей бывшей, но все еще любимой, девушки. Хотя, как сказать: если он к ней по-прежнему питает пылкие чувства, то осведомлен о ее личной жизни, как никто другой, потому как тайно ходит по пятам.

- Можно мне еще чаю? - заискивающим тоном, попросил я, вознамерившись отремонтировать быстро выстроенный между нами мостик, начавший рушиться одновременно по моей вине. Зря Олеся так возрадовалась, что встретила родственную душу, уникала в своем роде, так не похожего на теперешних молодых людей. Вот уж огорчил, так огорчил.

- Хорошо, я позвоню, - кивнула девушка, не расслышав моей просьбы.

- Кому? – уточнил я.

- Кузе!

Ее разговора с Кузей я не слышал, Олеся ушла в комнату. Но много времени переговоры не заняли. Вскоре она вернулась и приземлилась на свой стул, осторожно положив телефон на стол, будто он был сделан из хрупкого стекла.

- Кузя сказал, что в ресторан она не приезжала. Он ей позвонил, но она трубку не взяла... Дело принимает серьезный оборот. Аня туда приехала, но в помещение не вошла. Кто-то на нее набросился, она выронила телефон, и больше ее никто не видел.

- Может, это Фома? – предположил я. – Анна его бросила, он узнал о другом мужчине, разозлился и силой ее увез. Например, к себе домой. Заверил, что любит ее по-прежнему, жизни без нее не представляет, задобрил ее подарком в виде турпутевки, она вновь вспылала к нему любовью, и согласилась отправиться с ним в поездку. По прибытию позвонила матери.

- Все возможно. Придется звонить Фоме! Это не имя, его фамилия Фомин. А зовут... Черт, имени-то я его не помню. А может и не слышала никогда.

На этот раз Олеся не ушла из кухни, но и звонок не принес результата - телефон был отключен.

- Я могу к нему поехать, - подхватился я. – Вы знаете, где он живет?..

Только я выполз из подъезда в серую сырость, чавкающую снег, как зазвонил мой телефон. Глупо предположил, что это Олеся, позабыла что-то сказать. Но я ошибся, звонок был от Люси Терентьевой.

- Привет! Не хочешь сходить на каток пока лед не растаял? – в привычной для себя манере – озорно и весело – спросила она.

- Привет, - в ответ протянул я, мысленно соображая, чего я хочу больше – идти на каток, встречаться с Кузей или вернуться к Олесе, дожидаться родителей и познакомиться с ними. Зачем мне с ними знакомиться? Сам не знаю, но в голове засело известное всем высказывание – хочешь узнать, как будет выглядеть твоя жена в старости, посмотри на ее мать. Да, не зря преподаватели в школе и в университете говорили, что у меня мозги закручены странным образом, в хорошем смысле. Мозги закручены в

нужную сторону, соображаю быстро и качественно. Последнее слово «качественно» я часто слышу от своего брата Олега, особенно в моменты подкупа. Он думает, что меня можно купить лестью. Пусть думает, я без лести отдам ему последние штаны, если понадобится.

- Глеб, давай, покатаемся на коньках. В парке революции залили классный каток, а мне сходить не с кем, все мои знакомые не имеют стоять на коньках, и не желают учиться, хотят сохранить конечности в целостности и сохранности, ни у кого нет желания встречать Новый год в гипсе. Странно, правда? Хи-хи.

- У меня есть одно дельце, отложить никак не могу, но потом...

- Если ты тоже не умеешь кататься на коньках, так и скажи, в этом нет ничего предосудительного.

- Я умею, раньше увлекался хоккеем, на среднем любительском уровне.

- А что у тебя за дело, если не секрет?

Сказать или не сказать? Почему бы нет.

- Дело касается Антонины Мефодьевны и ее дочери Анны.

- Ты к ним каким боком? – с явным недовольством спросила Люся.

- Помнишь, я тебе рассказывал о мобильном телефоне, который нашел вчера? Оказывается, это телефон Анны Терентьевой. Анна звонила матери, сказала, что уехала отдохнуть, что у нее все хорошо, но мать так не считает – голос у дочери был затравленный, словно она говорила под чьим-то давлением. Скорее всего, девушку похитили у ресторана, куда она приехала по приглашению последнего кавалера, по словам подруги Ани это мужчина в летах. Он объяснил, что Анна так в ресторан и не приехала, он ей звонил, но не дозвонился.

- Он успокоился и нашел себе другую, - констатировала Людмила. – Я так понимаю, ты хочешь поговорить с этим старичком?

- Я поеду к ее предыдущему парню, которого она называла Фомой, его фамилия Фомин. Опять же со слов подруги у них была безумная любовь, мать была категорически против их отношений: Кузя ей не нравился, голодранец, не пара ее дочери.

- А им миллиардера из Монако подавай! – в сердцах заявила Люся, в очередной раз подтвердив свою «благосклонность» к Антонине и ее дочери.
– Глеб, хочешь, я с тобой поеду?

- Хорошо, я за тобой заеду...

Через пятнадцать минут вместе с Людмилой мы ехали к Фомину, чей телефон продолжал упорно молчать.

Фома жил на съемной квартире, и работал где-то охранником. Я очень надеялся, что мы застанем его дома. Мои надежды оправдались. Но прежде пришлось долго звонить в дверь. По всей видимости, он спал после суточного дежурства, потому и мобильный был отключен.

Чтобы окончательно его разбудить, Люся заявила с порога:

- Анна Терентьева исчезла!

Увидев на пороге незнакомцев, парень сладко зевнул, при озвученной новости так и замер с открытым ртом, а потом сильно сомкнул челюсти, клацнув зубами.

- Понятно, - выдохнула Люся, - у вас ее нет, и никакими сведениями вы не обладаете.

- А вы из полиции? – наконец, издал членораздельный звук Фома.

Я не удостоил его ответом, и вошел в квартиру без приглашения. Людмила последовала за мной, критически оценив временного хозяина жилища, не облаченного в парадный костюм. На Фоме были одни трусы.

- Туда проходите. - Фома запоздало указал нам направление, прихватил со стула какие-то вещи и ненадолго исчез. Появился в серой футболке и серых спортивных штанах. Мы переминались у входа. Фома схватил с дивана подушку, простыню, плед и запихнул в шкаф.

- Садитесь, - предложил он, указав на освободившийся диван.

Людмила села, а я стал прохаживаться по комнате, излагая события последних дней. О найденном в сугробе мобильнике не сказал ни слова.

- Когда вы видели Анну Терентьеву в последний раз? – спросил я в заключение своего монолога.

- Не помню. Наверное, неделю назад или чуть больше. Неужели вы могли подумать, что я мог... с ней что-то сделать! Вы что! Я ее люблю. И она меня любит. Но под давлением матери нам пришлось расстаться. Я не отступлю, найду другую работу, заработаю много денег...

Мы внимательно выслушали планы Фомина на ближайшее будущее. Я устал ходить, сел на диван, а Люся, напротив, встала, будто переняла у меня эстафету.

Кроме дивана, в комнате стоял круглый стол, мебельная стенка, в углу – кресло, рядом с креслом – синтезатор. Видимо на досуге охранник любил музицировать. Пока Фома предавался фантазиям, Люся зациклилась на стеклянной пепельнице, в которой лежали всякие безделушки. Пепельница находилась на открытой полке мебельной стенки рядом с керамическими фигурками-копилками, статуэтками, разноцветными свечами разных размеров на стеклянных тарелочках-подставках. Было ясно, что благоустройством жилища занималась девушка.

Фома смотрел себе под ноги, игнорируя присутствующих рядом людей, будто разговаривал сам с собой. Люся покосилась на него, а потом принялась делать непонятные знаки. То указывала пальцем на Фому, то на полку мебельной стенки. Я приложил палец к губам, чтобы она ничего не говорила.

Фомин никаких тайн нам не раскрыл, мы подбросили ему несколько каверзных вопросов об обидах и ущемленных самолюбиях, и не получили вразумительных ответов. Парень с головой ушел в свои мечты о будущем, в котором он обязательно станет принцем на белом коне.

Людмила была так возбуждена, так усиленно делала непонятные знаки руками, разбавляя их мимикой лица, что я забеспокоился о ее здоровье. И утянул ее на улицу, не предоставив возможности обсудить новости в подъезде.

- Глеб, ты заметил?! Заметил, ЧТО лежало у него в пепельнице? – завопила девушка, как только за нами захлопнулась подъездная дверь.

- Что ж у меня глаз нет, - хмуро заметил я.
- И что это значит? Анну куда-то увез силой этот Фома?
- Получается, он. Запонка это улика. Но он не похож на мужчину, который носит запонки. Статус не тот. Джинсы, футболки, толстовка с капюшоном, пуховик - это я понимаю.
- Ничего ты не понимаешь! Он хотел сразить наповал свою девушку, которая предпочла ему другого мужчину. Выследил ее до ресторана, догнал, чтобы объясниться, а она его оттолкнула, он рассвирепел, ударил ее и силой посадил в машину. Допускаю, что она была без сознания. Он подхватил дамскую сумочку, не заметил, как из сумочки выпал мобильный телефон. Осталось узнать, где он удерживает Анну.
- Не верю я, что это его рук дело!
- А запонка? Это не улика? Сам говорил, улика.
- Не знаю, что и сказать. Я не сыщик.
- Но надо что-то делать! Или мы забудем о второй запонке в пепельнице и пойдем на каток?
- Неужели тебя заботит судьба Анны Терентьевой? Мне показалось, что кроме ненависти ты к ней и ее матери ничего не испытываешь?
- Моя ненависть давно притупилась. Раньше я бесилась от одной мысли, что отец променял нас матерью на какую-то другую семью. Когда я узнала, что пришлось пережить моему доверчивому папочке, мне стало искренне его жаль.
- Люся, я думаю, Фома здесь ни при чем. Подруга Ани сказала, что она трепала повсюду, кто ее отец. Например, сказала своему новому кавалеру.
- Старичку?
- Его зовут Кузя. Но я не уверен, что это имя. У Анны была привычка давать всем знакомым сокращенные имена в своем мобильнике. У подруги фамилия Зайченко, так Аня окрестила ее Зайкой. Фомина – Фомой. Кузя может быть Кузьминым...

- Или Кузьмичем, что более вероятно, раз он ее значительно старше.
- Зайченко ему звонила, но я при их разговоре не присутствовал. Не думаю, что она пыталась узнать его фамилию, имя, отчество. Просто спросила о своей подруге, он ей ответил.
- Соврал?
- Может да, может нет... Но если не он, то кто?
- Конечно он! Правильно ты сказал – больше никому: в последнее время она говорила по телефону только с этим Кузей, с матерью и с подругой.
- А ты откуда знаешь? Насколько я помню, ты не брала в руки телефон Анны, а я на тему ее телефонных абонентов не распространялся.
- Говорил, говорил, - с осуждением покачала головой Людмила. – У тебя память девичья.
- На свою память я никогда не жаловался, - растерянно пробормотал я.
- Магнитные бури тому причина, - быстро нашла объяснение бойкая девица.
– Или переутомился, все-таки на носу конец года, у всех на работе аврал. Поехали на каток, отвлечешься, мышцы разомнешь, подышишь свежим воздухом, а то бледный, как поганка.
- Еще минуту назад тебя якобы беспокоила судьба названной сестрицы, а теперь тянешь на каток, - презрительно констатировал я.
- Что ты предлагаешь? Бегать по городу с высунутым языком и спрашивать каждого встречного-поперечного о девушке Ане, которая ушла из дома и не вернулась? Тогда надо фотку ее раздобыть.
- Чего ты бесишься?
- Не хочу, чтобы ты занимался ее поисками! – в сердцах воскликнула Люся. – Не хочу и всё! – Она топнула ногой. – Кто она тебе? Никто! И звать ее никак! Пусть мать в полицию обращается, это их работа.
- Но мы уже начали ее искать. Навестили Фомина... - миролюбиво проговорил я. - Остановимся на Кузе, пока других поклонников не обнаружили. Ты права, девушка рассказала ему о высокопоставленном отце,

он, что понятно, поверил – фамилии одинаковые, отчество соответствует. Анна приняла его за богатенького Буратино, а на самом деле он в долгах, как в шелках. Вот и решил поправить свое материальное положение за ее счет. Подпоил ее в ресторане, после чего где-то спрятал.

- Или они вдвоем решили дельце провернуть. Раньше у нее не было под рукой подходящего сообщника, а теперь он появился. Родственные души нашли друг друга. Не забудь, что она «имеет зуб» на отца, он от нее отказался.

- Откуда ты знаешь? Вдруг они не перестали общаться? Он её постоянно поддерживает морально и материально. Это подтверждает ее нежелание работать. Значит, кто-то ее спонсирует. Из этого могу заключить, что Анна не в деле, она не соучастница, она жертва. Кузя ее похитил, позвонил отцу, твоему отцу, - уточнил я, заметив перекошенное лицо Люси, - и поставил условие, а он...

- А он показал ему кукиш! – выпалила на одном дыхании моя визави.

- Думаю, да. Теперь Кузя не знает, что с ней делать: и вернуть без последствий нельзя, и убить рука не поднимается. Возможно, и есть за плечами несколько «командировок» лет на десять в сумме, но в крови руки не марал.

- Глеб, у тебя такое перекошенное лицо, будто ты медиум, увидел страшную картину убийства и теперь пытаешься понять, где находится место преступления.

Я будто очнулся. До этого мне снился страшный сон, а Людмила пришла и меня растолкала. Но до конца я так и не пришел в себя.

- Со мной всё в порядке, - с трудом произнес я, обманув девушку. Перед глазами стояла ужасная картина убийства близкого мне человека.

- Глеб, тебе плохо? – спросила Люся. Ее голос с трудом пробился ко мне. Внезапно у меня случился отит обеих ушей, кровоизлияние в мозг, отнялась речь... Что еще? Всё и разом. Я нагнулся и зачерпнул рукой ватный снег. Протер снегом лицо, слегка поцарапав кожу, похлопал себя по щекам, зачерпнул еще снега и начал его жадно есть.

- Глеб, опомнись, что ты делаешь!
- Люся, мне правда нездоровится. Ты не обидишься, если я не буду провожать тебя до дома?
- Ты сможешь сесть за руль?
- Я смогу... Извини... Созвонимся...

Дома я выпил крепкий кофе, потом пообедал с аппетитом. Прежнее недомогание, неожиданно обрушившееся на меня, бесследно исчезло.

Захотелось услышать голос одной девушки со смешными хвостиками. Я долго не решался ей позвонить, но потом собрался с силами. Олеся ответила сразу, поинтересовалась, чем закончился разговор с Фомой. Раз она не знала о найденной запонке, я не коснулся этой темы.

- Вы ему верите? – спросила она по-прежнему гнусавым голосом.
- Не знаю, - честно признался я. Соединять две находки в одну кучу я раздумал. С чего я решил, что запонку обронил похититель? Обронил кто-то из посетителей ресторана.
- Мне показалось, что у вас на все вопросы есть ответы.
- Вы преувеличиваете. Я обычный человек.

Я хотел не столько услышать ее голос, как очередной комплимент в свой адрес. Я подпитывался комплиментами. В моей жизни их было меньше, чем оскорблений. Хвалили мой ум, кто с восторгом, кто без, но моя внешность постоянно поддавалась критике.

Я обманывался, когда решил, что «классный кадр» это я. Мне был необходим этот толчок, я примерил на себя «классного кадра», чтобы научиться свободно общаться с девушками.

Олеся мне не противоречила, заговорила о матери Анны, которая оборвала ей телефон. Я ответил, что она звонила мне несколько раз, но я ей не ответил, у меня нет новостей, а об успешной передаче мобильного ей станет известно и без меня.

Меня мучил один вопрос, и я задал его.

- Олеся, вы могли бы встречаться с таким парнем, как я?

- Неожиданный вопрос, - призналась она.

- Да, неожиданный, но я хочу знать, могли бы встречаться с человеком ниже среднего достатка с рядовой внешностью?

- Для меня ни достаток, ни внешность неважны. Что-то внутри должно взорваться, чтобы я сама стала другим человеком, увидела мир другим, превратилась в мечтателя, забыла о проблемах, перестала печалиться по любому глупому поводу. Чтобы люди при виде меня понимающе улыбались. А я светила изнутри, не боясь погаснуть... Пока я не подключилась к источнику тока, - торопливо добавила девушка.

- Всё ясно, - сник я.

- Ничего вам не ясно! А мне ясно, что вас кто-то сильно обидел, и теперь вы мечтаете зализать рану рядовым комплиментом в ваш адрес. Вам нравятся неискренние люди? Пусть лучше вам врут напропалую, чем помогут разобраться в причине, помогут что-то изменить?

- Так вы считаете, что мне нужно что-то в себе изменить? Внешность, да? Предлагаете сделать пластическую операцию, чтобы девушки от меня не шарахались?! – гневно заговорил я.

- Чушь несете и сами это понимаете! Зачем вам пластическая операция? Вы что, урод? Или у вас исполосовано лицо шрамами? У вас нормальная внешность... Или вы мечтаете возглавить список самых красивых мужчин мира?

- Нет, конечно, - пробубнил я. Вспомнил Марию Дерябкину - девушку, действующую без разбора. Меня ее нездоровый интерес не успокоил: попался бы ей на пути Квазимодо, она бы и к нему прилепилась.

- Я в вас ошиблась, Глеб. Приняла вас на нормального мужика с мозгами, а вы... - Олеся задыхнулась от возмущения. – И не звоните мне больше.

Я упал на кровать и всю ночь пролежал с открытыми глазами.

Пусть я не получил удар под дых – меня не обозвали страшилищем, уродищем, чмом, откормленным кашеём, жабой, чудищем и все в подобном роде, но обида расплылась по всему тела и требовалась таблетка для успокоения. Я обязан наказать еще одну девицу, дерзнувшую мне отказать.

Я давно превратился в парня с нормальной внешностью, но любое презрение, даже мелкое, доводило меня до иступления.

Я жил в двух измерениях. В одном я был уникалом, в другом – монстром. В одном измерении, я сочувствовал пострадавшим и их родственникам, в другом – мстил за нанесенную обиду. Сначала мстил, потом сочувствовал.

Вызывает удивление недогадливость моих умных родителей. Но родители всегда идеализируют своих чад. Особенно тех, кто не требует особой заботы.

Что оставалось делать страшилищу, которое лишней раз боится показаться на людях? Сидеть дома и учиться, читать запоем умные книжки, играть с самим собой в шахматы, разгадывать кроссворды. Или придумывать, как отомстить обидчице. Затежливо, чтобы никто не догадался, чьих рук дело. И не только расписать месть по нотам, но и помочь вычислить обидчика. Естественно, не меня. Я предпочитаю подставы.

Все началось еще с детского сада.

Мне было шесть лет. В группе появились перчаточные куклы для кукольных спектаклей. Под руководством воспитателя мы готовились к представлению для наших мам. Одна девочка, ее звали Марина, взяла в руки Иванушку-дурачка и заявила, что он похож на меня. И покатила от хохота. Многие дети ее поддержали. Я выбежал из группы и долго плакал в туалете. Ночь провел в фантазиях о наказании обидчицы.

Я начал бегло читать в пять лет, причем без разбора. Благодаря прекрасной памяти легко запоминал информацию, хотя, не всегда всё понимал. За вопросами обращался к родителям, которые терпеливо отвечали.

Сначала хотел подсыпать Марине слабительное, позаимствовав препарат из домашней аптечки. Потом предпочел кое-что пострашнее.

У моего отца хранились шариковые подшипники, неизвестно для какой цели. Я помучился, но разобрал подшипник. Мне были крайне необходимы металлические шарики. Одним не ограничился – вдруг выйдет осечка, прихватил три, про запас.

Начал действовать после дневного сна. Целый день наслаждался грядущей местью девочке Марине, которая беспечно играла с куклой, о вчерашней насмешке она давно забыла. На полдник нам, как обычно, давали кефир и печенье. Я бросил в стакан с кефиром, предназначенный Марине, металлический шарик. Два других, запасных, оказались в кармане Витьки, который вчера дольше всех смеялся над шуткой Марины и обзывал меня дурачком. Марина проглотила шарик, запоздало сообразила, что произошло, и закатилась плачем. Воспитательница принялась над ней кудахтать, та не могла ничего объяснить. Показывала пальцем на свой рот, на живот, на стакан с кефиром. Долго от нее добивались объяснений, вызвали медсестру, потом позвонили в неотложку. Когда Маринку увозили и в больницу, я заявил, будто видел, как Витька достает из нагрудного кармана рубашки шарик и бросает его в стакан с кефиром. Я хотел предупредить Марину, но не успел. Шарики нашлись в кармане Виктора. Родители устроили ему взбучку на глазах всего детсада. Металлический шарик вышел самостоятельно из организма Марины, делать операцию не пришлось. Но страху она натерпелась. Моим родителям было доложено о моей помощи в этом инциденте. На всякий случай я выбросил разобранный подшипник, чтобы на меня не пало подозрение.

С тех пор у меня развился комплекс неполноценности, который я старался компенсировать неординарным умом.

В начальной школе отличников уважают, их не гнобят. Потом отношение резко меняется, но отзывчивые отличники, притом не зубрилы, что немаловажно, ходят в друзьях у закоренелых хулиганов. Такой «крышей» был для меня Виталька. Но в седьмом классе его оставили на второй год. Автоматически меня еще некоторое время обходили стороной, затем стали лепить разные клички. Обида была, но не ранящая в самое сердце. Моей внешности они не касались.

В девятом классе к нам пришла новенькая. Звали ее Вика. Красоты необыкновенной. Училась Вика посредственно, я предложил подтянуть ее по некоторым предметам, она согласилась. Я приходил к ней домой каждый день, мы вместе делали уроки. А однажды набрался смелости и чмокнул ее в щеку. Она дернулась, вытерла ладонью щеку, и обозвали меня слюнявым вопросительным знаком. Из-за моей сутулости.

С тех пор наши совместные домашние занятия закончились. О моей выходке узнал весь класс. Пацаны кривлялись, называли меня вопросительным знаком, подделывали девчоночьи голоса и предлагали их поцеловать, но без слюней. Я перестал давать списывать, нападки на меня быстро сошли на нет. Вика упорно делала вид, будто меня не замечает.

В моем дворе жил один полудурок Тимоха. Его мать мела улицы, отца отродясь не было. Он был старше меня, работал в продуктовом магазине грузчиком, питал нездоровый интерес к противоположному полу. Всегда получал отказ, но не страдал, переключался на следующую кандидатуру. Напористостью не отличался.

Семья жила бедно. Я предложил Тимохе хорошие деньги за одну услугу. Деньги были мои личные, я все летние каникулы работал курьером.

К тому времени Вика начала встречаться с парнем из одиннадцатого класса. Этот выпендрожник постоянно ходил в ярко-оранжевой куртке, чтобы выделиться. О моем поцелуе он, видимо, знал, потому всегда кривил физиономию, проходя мимо меня.

А я знал, где они обычно гуляют и в какое время.

Выпендрожник случайно застрял в лифте, я прикинулся ремонтником и неторопливо приступил к устранению поломки, словесно подбадривая человека, попавшего в заточение.

А в это время, полудурок Тимоха в ярко-оранжевой примечательной куртке, купленной мною и выданной ему, издали помахал Вике, которая шла по аллее парка. Тимоха на миг показался из недостроенного здания, расположенного в глубине парка. Когда-то давно местная администрация собиралась превратить здание в спортивный клуб. Стройку давно

заморозили, детвора устраивала там опасные игры. Вечерело, дело было в октябре, в парке никого не было...

На следующий день вся школа узнала, что Вику изнасиловал одиннадцатиклассник, с которым она дружила. Тот уверял, что застрял в лифте и не пришел на свидание, у него есть свидетель. Когда его выпустили из кабины лифта, он так спешил к своей девушке, что не обратил на мужчину внимания, но он обязательно подтвердит, что лифт сломался, что в нем застрял именно он. Куртка примечательная. Вызванный свидетель - электромеханик по обслуживанию лифтов из жэка - не подтвердил слова парня. В указанное время он находился в соседнем доме, а в этот дом его никто не вызывал. Парень получил положенный срок за изнасилование, Вика ушла из нашей школы, Тимоха не только заработал неплохие деньги, но и получил первый сексуальный опыт. Жаль, выпил лишнего и упал с моста в воду. А ведь не был замечен в пьянстве...

Потом в моей жизни произошли изменения, я перебрался в другой город, поступил в университет, собственными усилиями превратился в «классного кадра». Учился, работал, жил. Наконец, встретил ЕЁ.

Любовь, свобода, большие деньги. Я счастливец!

Был глупым счастливцем до того момента, пока не стал случайным свидетелем ее разговора с подругой. Вернулся домой не вовремя. Они сидели на кухне, пили вино и откровенничали.

Она выпила лишнего и призналась, что с трудом терпит мои ласки. Терпит лишь потому, что я богат. Когда мы узаконим наши отношения, она найдет себе более искусного любовника. Ей плевать, если муж узнает, она не против развода. Но все имущество придется делить пополам. Она переключилась на подробности нашей сексуальной жизни, и я многое узнал о себе нового.

Да, притворяться она умела...

Мне понадобилось всего-то поговорить с соседом-наркоманом. Он и его приятели предоставили ей возможность сравнить их сексуальные качества с моими. После чего... все умерли. Какая жалость...

Чтобы меня не заподозрили, пришлось резко менять образ жизни...

Последнее время я жил в первом измерении, постепенно забывая о втором, где я был монстром. Но все перевернула встреча я Анной Терентьевой. Я перепрыгнул во второе измерение, наказал и вернулся в первое. Я опять был уникалом, классным кадром. Легко выбросил из головы свое превращение. Это не я расправился с Аней, кто-то другой.

Благодаря моим усилиям я знаю, кто это. Есть две кандидатуры. Пока не знаю, на ком остановиться. Запонка с агатом оказалась у Фомина. Эта та самая запонка из сугроба. Я незаметно ее подбросил в пепельницу. Не собирался, но как упустить такой момент - у меня появился свидетель! Если потребует показать запонку, которую я снял с манекена, то я ее предъявлю.

А надо ли подставлять Фомина, который мне ничего плохого не сделал? Это будет неправильно. Олеся Зайченко! Вот кто мне нужен! Не стоило меня унижать! Значит, у меня есть одна кандидатура, Фомина вычеркиваю. А то, что Олеся росточком и силушкой не вышла, не беда, могла кого-то нанять. Терентьев «показал» им кукиш, как сказала его родная дочь Людмила, они отыгрались на Анне, чье тело обязательно найдут на чужой даче, законсервированной на зиму. Я придумаю, как туда заманить Олесю, как «подвести ее под монастырь»...

С этими мыслями я уснул...

Утром пробудился с больной головой. Понял - никакие таблетки не помогут, надо звонить на работу и отпрашиваться.

Позвонил и сказал, что затемпературил. Мне предложили отлежаться, и не забыть прийти на работу после долгих выходных. Мои коллеги пребывали в ожидании праздника, валяли дурака и веселились.

Я побродил по квартире, зачем-то заглянул в чулан, покопался на полках. Не нашел ничего заслуживающего внимания, если не считать деревянного медведя. Я пытался сделать фигурку медведя с помощью ручных режущих средств на уроках труда, чтобы вручить маме на восьмое марта. Так и не подарил – не смог довести до совершенства. Недавно отыскал полуфабрикат,

терпеливо поджидавший своей очереди, и собрался приступить к работе, но меня что-то отвлекло.

Стало так тоскливо, хоть, волком вой. Вспомнилось детство, родительская забота, их преданная любовь...

Я не могу больше ТАК жить! Не хочу быть монстром! Хочу быть нормальным парнем, из первого измерения, которому наглухо закрыт вход во второе измерение.

Кто мне может помочь? Только любящие меня люди, самые родные, самые понимающие.

Я позвонил брату, приказал взять мою машину, поехать к родителям и привезти их ко мне. У меня есть к ним важный разговор.

- А я могу присутствовать при вашем разговоре? – только-то спросил Олег.

- Ты член нашей семьи, - коротко и понятно ответил я...

В ожидании родителей и брата я вылизал всю квартиру и приготовил обед. Аппетита у меня не было, не смог даже снять пробу у блюд, но понадеялся, что получилось вкусно.

Родители приехали озабоченные, но с порога не затеяли допрос. Обед прошел в напряженной обстановке, хотя, Олег пытался всем создать предпраздничное настроение.

После обеда мы переместились в комнату.

- Я хочу вам кое в чем признаться. Прошу выслушать терпеливо и не перебивать...

Я рассказал о происшествии в детском саду с Мариной, о школьном инциденте с Викой. Признание в убийстве моей любимой девушки далось мне особенно тяжело. О трех наркоманах сказал вскользь. Потом перешел на недавний случай с Анной Терентьевой, которая остановила мой автомобиль и попросила отвезти ее за город. Зимними вечерами мне особенно становилось тоскливо. Я пытался вернуться в тот короткий период прошлого, когда был богат, уверен в себе, но самое главное - счастлив. Потому-то каждый вечер изысканно одевался, представлял,

будто еду на светский раут, чтобы встретиться с равными себе людьми. Так было и в тот злополучный вечер. Я устроился за рулем непрезентабельного автомобиля, увы, другого у меня не было, и начал колесить по городу. Играл в прежнюю жизнь. Вслух разговаривал с моей возлюбленной, которая обязана сидеть рядом в вечернем платье и поддерживать беседу. В последнее время она стала молчаливой, но я ей это прощал.

Никогда не подбирал на обочине «голосующих»: они нам помещают. На этот раз неожиданно остановился. Девушка в светлой дубленке с непокрытой головой напомнила мне мою любимую. Странно, но я стал забывать ее имя.

Девушка оказалась хохотушкой, всю дорогу щебетала, кокетничала. Я пытался клеиться к ней, она не возражала. Добравшись до места, не предложила мне деньги, а я и не требовал. Надеялся, что она даст мне номер своего телефона, но я выпорхнула из машины и сквозь снежную бурю посеменила к светящемуся зданию ресторана. На ходу достала из сумочки мобильный телефон, хотела кому-то позвонить, но тут я перегородил ей дорогу. У меня и в мыслях не было ничего плохого, а она набросилась на меня, как базарная торговка набрасывается на мелкого неудачливого воришку. Я опешил, хотел быстро ретироваться, чтобы не испортить такой сказочный вечер, но она бросила мне вслед: «Всякое чмо еще виды на меня имеет!» Меня переключило. Я вывернул ей руку и силой заволок в машину. Ее призывов о помощи никто не услышал. Мне повезло – за минуту до инцидента крыльцо ресторана опустело. Девушка вырывалась, брыкалась, пришлось чувствительно ее стукнуть. Она отключилась. Я привез ее на чужую дачу, где как-то летом в студентческие годы мы гостили у моего приятеля. Вскрыл замок, привязал ее к кровати и уехал. Вернулся на следующее утро, еще не рассвело. Дал ей напиться и уехал. Снова навестил через сутки, после корпоратива, перед работой, и приказал позвонить матери. По дороге купил с рук новую сим-карту. Она попыталась поспорить, грозила своим отцом, я ее... проучил, она подобрела. Все-таки позвонила матери, а потом я ее задушил бельевой веревкой. Первый раз убил человека своими руками...

И снова накатила тоска. Решил узнать, кто она. Я знал только имя – Анна. В ее сумке мобильного не оказалось, значит, она его потеряла. И скорее всего, на пяточке перед рестораном...

Я пересказал родным события последних дней...

- Я не могу больше так жить, меня должен кто-то остановить, - монотонным голосом произнес я, чувствуя безумную усталость. На родителей и брата я старался не смотреть. – Я начинаю входить во вкус, скоро превращусь в маньяка-убийцу.

- Ничего подобного я не мог предположить, - обреченно сказал отец.

- Да, башню снесло основательно, - вставил брат. – А с виду не скажешь.

- Я не зря убеждала, что надо пройти курс лечения до конца, - со слезами добавила мать. – Всё вы оба! – накинулась она на мужа и младшего сына. – Хватит ему среди шизоидов находиться, сам шизоидом станет.

- Это мои слова, - торопливо подсказал Олег, будто мать собиралась присвоить чужие авторские права. – Да, я так считал, потому что Глебка уже выздоровел, на голову не жаловался, пургу не нес. А среди шизоидов он стал таким же, как они.

- А врач уверял... - начала мать.

- Много твой врач понимает! – скривился отец. – Пичкал Глеба какими-то таблетками, потому он и ходил полусонный, апатичный ко всему.

- И плохо соображал! – Реплика исходила от брата. – Когда я ему посоветовал не пить таблетки, а выбрасывать в канализацию, он стал адекватным. И быстро выписался из больнички.

- Понятно теперь, чьих это рук дело! – возмутилась мать. – Горе-лекарь, теперь скажи, с какими глазами мы пойдем на поклон к Пал Иванычу?

- Ваш Пал Иваныч только и знает, как деньги из народа выкачивать. Держал бы Глеба до конца своих дней в своей клинике, чтобы не терять таких... платежеспособных родственников своего пациента. Надо мне спасибо сказать, что брат не стал овощем. Или ваш Пал Иваныч не залечил его до смерти.

- Так вы деньги пожалели на мое лечение? – сурово спросил я, вырвав из контекста одну фразу. – Или вы их растравили? А я думал, вам их хватит до конца жизни.

- Каких денег? – не понял Олег, а родители внимательно на него посмотрели. Не знаю, что он прочел в их глазах, но допытываться перестал.

- Может мне кто-нибудь разъяснить, что происходит?! Я просил вас о помощи, а вы говорите загадками.

- Сыночек... Глебушка... - взяла инициативу в свои руки моя мать. Она говорила ласковым голосом, как в моем далеком детстве, когда уговаривала съесть ненавистный суп с фрикадельками. – Дело в том, что полтора года назад... произошел... несчастный случай...

- Зина! Чего ты мямлишь! – вспылил мой всегда сдержанный отец-профессор. - Лучше я скажу! Глеб, полтора года назад ты вступился за девушку. Поздним вечером она шла по тротуару, возле нее притормозил автомобиль, двое парней пытались силой затолкать ее в салон, а ты им этого не позволил.

- И они тебе навесили, - вздохнул мой брат. – По башке тебя стукнули, ребра переломали... Селезенку тебе удалили, - «успокоил» он меня. – Ребра срослись. С головой сложнее...

- Серьезная черепно-мозговая травма, - поморщилась мать. – Тебя долго лечили.

- И будто бы вылечили... Так нам казалось до сегодняшнего дня, - опечалился отец.

- Я все равно ничего не пойму!

- Глеб, все сочинилось в твоей... не совсем здоровой голове, - нашелся Олег.

- Что-то произошло на самом деле...

- Что именно?

- Думаю, ты, правда, нашел чужой мобильник, пытался кому-то звонить, чтобы навести справки о владельце. Владелец оказалась девушка, ее мать

сообщила, что дочь пропала, потом позвонила и сообщила, что уехала отдыхать. Мать высказала сомнения... Продолжение додумал ты. А запонка...

- Запонка! – Я подхватился и пошел проверять свои запонки. Полный комплект лежал на своем привычном месте, в специальной коробочке, в верхнем ящике комода. Запонки мне подарила мама на окончание университета. Я их никогда не носил, по имиджу не подходили, но бережно хранил: это материнский подарок, и вдруг такое случится, я стану большим начальником.

А пока я обычный парень, у меня никогда не было своего процветающего бизнеса, я ничего и никому не дарил, я живу на одну зарплату, стараюсь экономить, чтобы помогать пожилым родителям. Я всё вспомнил... В группе детского сада была некая Марина, но я ей не подбрасывал металлический шарик в кефир. Я не нанимал полудурка Тимоху для мести Вике. Она мне, вообще, не нравилась: была ленивой тупицей, которая только и делала, что любовалась своими ногтями. После школы вышла замуж за сирийца и укатила к нему на Родину. Мама говорила, будто бы она уехала с тремя детьми от войны, а муж остался воевать за Башара Асада.

Я вспомнил всё, но пребывал в сомнениях. Поэтому позвонил Демьяну для некоторых уточнений. Он хотел узнать о моем самочувствии, но я его перебил. Меня интересовала запонка, которую он нашел в снегу и засунул между пальцев манекена. Дёма заявил, что у меня высокая температура, отсюда бредовые галлюцинации. Мы нашли только чужой мобильник, и я его прикарманил. Еще я спросил о Люсе Терентьевой. Палех посоветовал мне навести справки о ней у Рудика, потому как у них роман. Я обескураженно признался, что проводил ее до дома. Демьян не дал мне продолжить, вновь помянул бредовые галлюцинации на почве жара, и сообщил, что в тот вечер мы ушли из ресторана вместе. Сначала завезли на такси меня...

Получается, что с Люсей я после того вечера в ресторане ни разу не виделся, и ни к какому Фоме мы не ходили... Значит, и запонку я ему не подбрасывал... Конечно, не подбрасывал, запонки на месте.

- Так! Теперь о главном, - повысил голос я, вернувшись к притихшим родственникам после общения с Палехом. Мне показалось, что Олежка

меня подслушивал: его лицо было подозрительно-возбужденным, а сидалище занимало половину стула, видимо, занял место впопыхах, передвигаться не решился, чтобы я ничего не заподозрил.

- Слушаем тебя! – предупредительно вежливо ответил за всех любознательный братец.

– У меня была любимая девушка, я собирался на ней жениться?

- Не было! – уверенно заявили мои близкие родственники. – Ты сказал, пока не заработаешь на свое жилье, не женишься?

- А это чье жилье? – поинтересовался, и повертелся вокруг оси на месте. За все время разговора так и не удосужился присесть, стоя мне было легче разговаривать, признаваться в содеянном.

- Это съемное жилье, - в очередной раз ответил за всех Олежка.

- А ты где живешь?

- В общежитии!

- Ага, - кивнул я головой, - в общежитии... Ты в общежитии, я снимаю жилье... И девушки у меня не было.

- Ты рассказывал о Маше Дерябкиной, с работы. Кажется, она тебе проходу не давала, а тебя это жутко злило, - четко выговорил брат, чтобы я быстро разобрался во взаимоотношениях с коллегой, к которой не испытывал никаких чувств. – Я придумал розыгрыш, чтобы она отвязалась.

- Тетю с шикарными габаритами и трое детей?

- О! Не все потеряно! – возликовал Олег. – Вспомнил, ура! Эта тетя Эмилия когда-то занималась самбо, теперь сидит у нас на вахте в общежитии. Она сладкое обожает, за двухкилограммовый торт родину продаст. А дети ее собственные. Извини, никто другой на эту авантюру не согласился.

- Как бы мне отделить правду от фантазий?

- Сынок, поверь, ты никого не убивал. Ты не способен причинить никому боль. Ты добрый, ласковый.

- Мама, ты меня идеализируешь! А Анна Терентьева?!
- Позвони ее матери и спроси, вдруг она вернулась.
- И все-таки, я ее подвозил до ресторана или нет?
- Скорее всего, подвозил, она вышла из твоего автомобиля и на этом все закончилось.
- Я подрабатываю извозом?
- Зарплата небольшая, - развела руками мать.- На нас с отцом рассчитывать нельзя.

Я позвонил Антонине Мефодьевне, ее номер был в моем телефоне, что явилось подтверждением моих следственных мероприятий. Женщина обрадованно доложила, что дочь вернулась. Она... гостила у своего знакомого, Кузьмина, по ее просьбе он скрыл правду...

- Жива, - успокоено выдохнул я.

Но не оставил затею с расспросами:

- А двоюродный брат у меня есть?
- Нет, и никогда не было, я один за всех, - усмехнулся Олег.
- В твоей жизни ничего особенно не происходило, и ты зачем-то начал придумывать всякие нехорошие вещи, - без всяких сомнений в голове сказала мать.
- Мам, причем здесь однообразная жизнь! Не надо Глебу голову морочить, она у него и так... не в порядке. Голову надо лечить! – жестко посоветовал брат. – Брат, не переживай, вылечишься, все будет хорошо.
- А та девушка, которую я защитил, не объявлялась?
- Она несколько раз приходила к тебе в больницу, но ее к тебе не пустили, ты был без сознания. Ты спас ее, она спасла тебя: кричала на всю ночную улицу, подоспели крепкие мужики, они тебя отбили, а преступники еле ноги унесли. Жаль, полиция их не задержала.

- Я помню... кое что... Помню, ко мне следователь в палату приходил. Девушку не помню...

- Потом она пропала, - сказала мать. – Если честно, мы ее попросили не приходите, лишнее тебе напоминание, лишние волнения. А потом тебя в клинику перевели.

- Глеб, она хотела с тобой познакомиться, просила хотя бы одним глазом взглянуть на тебя, на своего спасителя, - ревниво заметил брат. – Когда тебя везла «скорая» в больницу, она была рядом, но у тебя все лицо было залито кровью.

- А она как выглядит?

- Ничего особенного! Сопливая еще, малолетка.

- И не малолетка она! – заспорила мать. – Она выглядит молодо. Говорила мне, что студентка... Может, уже окончила вуз, дело было в прошлом году, в июне...

- Да, все смешалось в доме Облонских, - заключил брат.

- Лев Николаевич Толстой, роман «Анна Каренина», глава первая, часть первая, - автоматически проговорил я.

- Слава Богу, хотя бы одна умная фраза за несколько часов! - возрадовался Олег. – А то я думал, разная мура в голове расплодилась и начала вытеснять знания, полученные за столько лет обучения! Глеб, ты не переживай...

- Уже говорил - меня обязательно вылечат, - перебил я его и потер виски, пытаюсь что-то вспомнить.

- Что с тобой, сынок? – заволновалась мама. – Голова болит? Ты сядь, что ж ты все стоишь, - засуетилась она вокруг меня. – Или лучше ложись на диван... Может, чайку? Хочешь чаю? Или воды?

- Я хочу чаю! - потребовал брат.

- Обойдешься без няньки, - отрезала мать. – Иди на кухню и сделай чай. И не только себе.

- И сделаю! – пригрозил младший сын, но места не сдвинулся.

- Надо вызывать Пал Иваныча, - вставил отец. – Он заберет Глеба в свою клинику и доведет лечение до конца. Ты согласен, сын?

- Конечно, согласен. Иначе мои фантазии перейдут в реальность...

Через две недели я чувствовал себя совершенно здоровым. Даже Пал Иваныч удивлялся моему ускоренному восстановлению.

После дневного сна ко мне заглянул Олег и предложил прогуляться по территории клиники. На прилегаемой к лечебному учреждению территории был разбит большой парк с хвойными деревьями. Туда мы и отправились с разрешения лечащего врача. Незаметно прошел новогодний праздник, Рождество, близился Старый новый год. Я надеялся провести его у родителей. Мама всегда лепила вареники с сюрпризами.

- А я отыскал ту девушку, - похвалился Олег.

Я догадался, о ком идет речь.

- Дальше что? Она хочет прильнуть к моей груди и выразить свою благодарность?

- Хочет с тобой встретиться.

- Не вижу необходимости.

- Чего ты кочевряжишься! Она тебя под венец не поведет! Хорошая девчонка, без закидонов.

- Пусть приходит, - согласился я.

- Она уже... пришла. Вон стоит, у наряженной сосны. Снегурочка, - усмехнулся Олег.

Я и раньше догадывался, кого спас от хулиганов, а теперь убедился в своих догадках.

- Глеб? – удивленно протянула Олеся Зайченко. – Ты?

- Привет, Олеся, как ты, выздоровела?

- Вы знакомы? – опешил брат.
- Случайно пересеклись, когда я искал Анну Терентьеву.
- Во как! Что ж, я вас оставлю...так сказать, тет-а-тет... Думаю, вам есть, о чем поговорить...

- Принцесса, я вас спас, поэтому обязан на вас жениться, - будто бы шутливо, но с волнением, сказал я Олесе спустя два месяца, в женский день восьмое марта. И вручил букет желтых тюльпанов, разбавленных фиолетовыми ирисами. Другой букет, розовые тюльпаны, предназначался ее матери, надеюсь моей будущей теще.
- Давно пора, думала, уже не дождусь от вас, товарищ принц, предложения руки и сердца.

Она привстала на цыпочки и подарила мне поцелуй.
- Я пока в режиме обдумывания, - хитро протянул я, с трудом оторвавшись от ее мягких губ. – Надо бы с потенциальной тещей познакомиться. Хочу посмотреть, какой ты будешь в ее годы.
- А если она толстая и некрасивая?
- Ну, тогда не знаю, - протянул я.
- Сейчас ка-а-ак стукну! – Олеська замахнулась на меня своим крохотным кулачком. Я его перехватил и прижал к губам.
- Милая моя, карманная моя, как же я тебя люблю! Пусть твоя маман будет бабой ягой, я все равно не сбегу...

Декабрь 2015г.